

СТИХОТВОРЕНІЯ

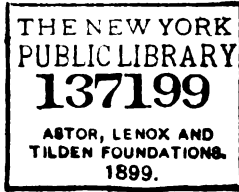
АПОЛЛОНА МАЙКОВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ГРАФА Г. А. КУШЛЕВА-БЕЗБОРОДКО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 29 Октября 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

МНОГО
КОПИЙ
ВЪ
КАЖДОМЪ
ЭКЗЕМПЛЯРѢ

**ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лей.**

*Тебѣ, которой были милы
Мой первый лепетъ, первый стихъ,
Кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ
Провидѣлъ дремлющія силы,
Кто сердца трепетомъ слѣдилъ,
Какъ крѣпкъ мой даръ въ огонь науки,
Я вдохновеній вольныхъ звуки
Тебѣ смиренно посвятилъ.
Привѣтствуй ихъ своей улыбкой,
И словоъ мира и любви
Ихъ въ новыи путь благослови,
Дорогой скользкою и зыбкой!*

*Так скромные дары боговъ ,
Кощицы собранныхъ плодовъ ,
Богамъ же чтитель ихъ приносить ;
Ихъ оросивъ виномъ златымъ ,
Глядитъ , какъ съ камня вьется дымъ ,
И даръ пріять въ молитвъ просить .*

1842.

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайной
Прочувствуй и пойми.... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Полюются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

РАЗДУШЬЕ.

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларь
Ведеть спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ его заблещеть; нивы
Церера озлатить; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимуть; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ-осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословить....
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ;
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба:
А здѣсь рука его на жертвенники неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовѣсть....

Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утонать.

1844.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный знакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медленно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь, —
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ;
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,

И, кудри подобравъ, головой склонясь ко мнѣ,
Лобзаеть мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

1839.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но пылъ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величїи здѣсь блещетъ: все мертвъетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣтъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ пагихъ столбовъ,
Качаясь по-вѣтру.... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкой рой, звонъ колесницъ блестящихъ?

Не слышно ужь литавръ брицанья; пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились — новые, невѣдомые боги!

Ораніенбаумъ.

1839.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынной,
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣнливо;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленю стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади воднаго стекла
Ихъ отраженье потонуло.

1838.

ВОСПОМНАНІЕ.

Въ забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое въ немъ вижу опять;
Но странно, неловко и мило мнѣ снова
Во образѣ прежнемъ себя узнавать....
Такъ путникъ приходитъ чрезъ многіе годы
Подъ кровли отеческой мирные своды.
Заборъ его дома травкою обросъ,
И привязи псовъ у крыльца позабыты;
Крапива въ саду прорастаетъ межъ розъ,
И ласточекъ гнѣзда надъ окнами свиты;
Но все въ тишинѣ ему кажется вкругъ —
Что живъ еще встарь обитавшій здѣсь духъ.

1838.

ГЕЗИОДЪ.

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной,
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали генія младенческія силы;
И нимфы юныя, толпою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками соплетясь у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вокругъ и пѣли,
Амброзіей дитя поили, и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумятъ изъ урнъ каскада воды,
Лелѣли его младенческіе годы....
И рано лирою пѣвецъ овладѣвалъ,
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,

**Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.**

1839.

РАДОСТЬ.

Долго ль радости сіянье
Озаряетъ темный міръ?...
Други! сядемъ ли за пиръ,
Сотворивши возліянья,
Темнымъ миртомъ обовьемъ
Наши чаши золотыя;
Осѣнимъ чело вѣнкомъ
Алыхъ розъ; струи густыя
Кипра въ кубки нацѣдимъ;
Храмъ веселья ярымъ воскомъ
Озаримъ, и огласимъ
Пирныхъ пѣсень отголоскомъ:
Что жь?... Еще горять огнемъ
Розы свѣжія Пестума,

**А, какъ воронъ черный, дума
Тѣню вьется надъ челомъ!**

1839.

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшія листья
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда....
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью,
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленыя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ испугана, въ чашу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,

Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро кидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише.... исчезла.... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

1840.

Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ.
Но день померкъ; главой качаясь сонной,
Заснули тополи; умолкли гальціоны:
Напрасно!... Мѣсяцъ всталъ, сребрился и угасъ;
Рѣдѣла ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младаго дня, изъ косъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синіе долины и лѣса:
Ты не являлась....

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустышникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ въ часъ досуга;
Ставь передъ нами изъ глины кувшины простыя,
Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что бѣжитъ между травами звонко,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью душлистыя липы.
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и корней;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.

ПРИЗЫВЪ.

Ужь утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣеть мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ:
На главахъ смолянаго бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіеть озеро въ берегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вокругъ холма, гдѣ шумить
По вѣтру мельница крылами,

Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ....
Какъ темень сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи молодой!
О други! въ поле! силой дивной
Миѣ утро грудь животворить....
Чу! въ рощѣ голось заунывной
Весенней иволги гремитъ!

1838.

ПРИАНУ.

Садъ я разбилъ; тамъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ буквъ,
ковъ,

Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Приану.

Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель

Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ,

Юнымъ деревьямъ дасть силу расти, увѣнчаетъ

Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣ-
сить.

Подлѣ статуи, изъ грота шума, упадаетъ

Ключъ свѣтловодный; его освѣняютъ вѣтвями

Дубы; на нихъ свои гнѣзды дрозды укрѣпляютъ....

Будь благосклоненъ, хранитель пустынного сада!

Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградской,

Плюща и желтыхъ колосьевъ! пролей свою благодать

Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступъ садовый и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженныя туго плодами корзины.

1840.

На мысъ сѣмъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его возмелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

1840.

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, откуда струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенить и брызги бьетъ,
То прыгаетъ змѣей, то нитью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза;
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средь длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ
ивъ,

Разрозненныхъ въ корняхъ, но сплетшихся вѣтвями.
Я вижу, кажется, въ чашѣ, поросшей мхомъ,
Дриадъ, увѣчанныхъ дубовыми листьями,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,
Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,

И Папа кроткаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розъ и изъ плюща,
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

1840.

(Изъ Андрея Шенье).

Я былъ еще дитя: она уже прекрасна....
Какъ часто, помню я, съ своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя съ ней, рѣзвясь,
Младенческой рукой запутывалъ не разъ
Я локоны ея. Персты мои скользили
По груди, по челу, межъ пышныхъ розъ и лилій.
Но чаще посреди поклонниковъ своихъ
Надменная меня ласкала, а на нихъ
Лукаво-вѣжный взоръ поднявъ какъ-бы случайно,
Дарила поцѣлуй, съ насмѣшливостью тайной,
Устами алыми младенческимъ устамъ.
Завидуя въ-тиши божественнымъ дарамъ,
Шептали юноши, сгарая въ нѣгѣ страстной:
«О, сколько милыхъ ласкъ потеряю напрасно!»

1840.

ОВИДИЙ.

Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою:
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ родномъ:
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать?... О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегѣ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!...
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услышать страны родимой звуки,
Свои элегии читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена, —

**И мнѣ покажется, что дымная лачуга
Присутствіемъ гостей таинственно полна.**

1841.

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у побережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ.) Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверзтій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарывивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнить поморье.

1841.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощѣ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко топясь межъ сивлановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на золотой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя....

Горькій безумецъ! ты думаешь, небо нетрудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

1841.

ВАКХАНКА.

Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревь;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, Вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканеомъ и плющомъ волосы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая....
Какъ дышетъ виноградъ на персяхъ у нея!
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечуть, полныя томленья и огня!

**Какъ тихо все вокругъ! лишь слышны изъ-за дѣли
Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій.**

1841.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЬ.

Откуда ты, о ключь подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору ль лдяную растопилъ?
Земли ль изъ сердца ключь шипящій
Истоки тайные пробилъ?

Откуда бь ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремасть наядѣ иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ;
Отраднo пастырямъ долины

У водъ твоихъ въ свой рогъ играть,
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студеной влагѣ погружать.

Таковъ и ты, о стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?...
То тайно всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой лепетъ складный,
Въ тебѣ усладу почерпать.

1841.

ДОРНАЪ.

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазь огнемъ горящій,
И ткани пышныя и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ишу. Явись дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златаго,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой

Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ
рукъ....

Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

1840.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель

Нась земля приємлетъ:

Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ

На груди родимой.

Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,

И сотрется имя;

Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,

Чье воспоминанье

Погрузить въ раздумье, и изъ сердца слезы

Сладкія исторгнетъ.

1841.

МЫСЛЬ ПОЭТА.

О мысль поэта! ты вольна,
Какъ пѣсня вольной гальціоны!
Въ тебѣ самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажетъ молніи: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажетъ горному орлу:
Ты не ширяй подъ небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами,
При блескѣ розовой зари?

1839.

ВАНУЪ.

Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ,
Сынъ Зевса былъ врученъ элидскимъ ореадамъ.
Сокрытый отъ людей, сокрытый отъ боговъ,
Онъ росъ подъ говоръ водъ и шелестъ тростниковъ.
Лишь мирный богъ лѣсовъ, надъ тихой колыбелью,
Младенца услаждалъ волшебною свирѣлью....
Какой отрадою, средь сладостныхъ заботъ,
Онъ нимфамъ былъ! Глухой внезапно ожилъ гротъ.
Тамъ, кожей барсовой одѣтый, какъ въ порфиру,
Съ тимпаномъ, съ тирсомъ онъ являлся божествомъ.
То въ играхъ хмѣлемъ и плющомъ
Опутывалъ рога, при смѣхѣ нимфъ, сатиру,
То гроздіи срывалъ съ изгибистой лозы,
Ихъ связывалъ въ вѣнокъ, вѣнчалъ свои власы,

Иль нектаръ выжималъ, смѣясь, своей рученкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей сребровонкой,
И тѣшился, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ, прозрачный, какъ слеза.

1840.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозить. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздуміи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На дома, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у берега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ серебро;
Иглистымъ инеемъ, какъ-будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ;
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою.

Тамъ, по льду гладкому и скользкому рѣки,
 Свистятъ и искрятся визгливые коньки;
 На лыжахъ звѣроловъ спѣшить къ лѣсамъ дремучимъ:
 Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
 Сухаго хвороста худую сѣть чинить,
 И сладостно ему вспомнить прежній быть,
 Взирая на стекло окованной пучины —
 Про зори утренни и клики лебедины,
 Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
 И свой хранительный подъ ивами заливъ,
 И про счастливый ловъ въ часы безмолвной ночи,
 Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
 Проглянуть, озлатятъ пучины спящей гладь,
 И свѣтять рыбаку свой неводъ подымать.

1839.

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младыя грозы.
Тамъ — солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы....
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ и сладость слезъ!

1841.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ — поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымысль — красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопоть
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья

Такъ сладкозвученъ , моря ропоть
Глубокомысленъ , солнце дня
Съ такой любовію приементировать
Пучина моря , лунный ликъ
Такъ сокровенъ , что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты ,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты !

1839.

П Л Ю Щ Ъ.

Зачѣмъ, о плющъ, лозой своей
Гробницы мраморъ повиваешь,
И прахомъ тлѣющихъ костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше ль тамъ, у звонкихъ струй,
У грота, подлѣ водопада,
Гдѣ тайно юношѣ наяда
Дарить свой влажный поцѣлуй,
Тебѣ гранитовый осколокъ
Кудрявой зеленью убрать,
Или надъ ними брачный пологъ
Прозрачныхъ листьевъ разостлать?

«Прекрасны звукъ рѣчей нескромныхъ,
Свиданья тайныя въ тѣни;
Но мнѣ милѣй на листьяхъ темныхъ
Слеза прощальная любви:
Пріявъ на зелень молодую,
Ее какъ жемчугъ я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всѣмъ забытое люблю!»

1841.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

О други! прежде чѣмъ покинемъ мирный кровъ,
Гдѣ тихо протекли дни нашего бездѣлья
Вдали отъ шумнаго движенья городовъ,
Ихъ скуки злой, ихъ ложнаго веселья,
Послѣдній кинемъ взглядъ съ прощальною слезой
На бывшій нашъ эдемъ!... Вотъ домикъ нашъ укройной:
Пусть вѣкъ благой пенать хранить его покой,
И грустная сосна объемлетъ вѣтвью темной!
Вотъ лѣсъ, гдѣ часто мы внимали шумъ листовъ,
Когда сквозить межъ нихъ лучъ солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной съ любовью вожделѣнной,
О вѣтви мирныя таинственныхъ дубровъ!
Шуми, мой свѣтлый ключъ, изъ урны подземельной
Шуми, напомни мнѣ игривою струей

Мечты, настроены подъ сладкій говоръ твой,
Унывно-сладкія, какъ пѣсни колыбельны!...
А тамъ, тамъ, на концѣ аллеи липъ и ивъ,
Колодезь межъ деревъ, гдѣ часто, ночью звѣздной,
Звенящій свой кувшинъ глубоко опустивъ,
Дочь поля и лѣсовъ, склонясь надъ темной бездной,
Съ улыбкой образъ свой встрѣчала на водахъ
И любовалась имъ, и тайно помышляла
О стройномъ юношѣ, — а небо обвивало
Звѣздами ликъ ея на зыблемыхъ струяхъ.

1841.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой....
Добрый Панъ! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи.
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златаго
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣснаго
Въ гротъ наяду приманить.

1840.

Я знаю, отчего у этихъ береговъ
Раздумье тайное объемлетъ духъ пловцовъ :
Тамъ нимфа грустная съ распущенной косою,
Полузакрытая пѣвучей осокою,
Порою пѣснь поетъ про шелкъ своихъ власовъ
Лазурь заплаканныхъ очей, жемчугъ зубовъ,
И сердце полное любви нераздѣленной.
Проѣдетъ ли челнокъ — пловецъ обвороженный,
Ея заслушавшись, перестаетъ грести ;
Замолкнетъ ли она — но долго на пути
Ему все чудятся напѣвы надъ водою
И нимфа въ камышахъ, съ распущенной косою.

1841.

ГОРЫ.

Люблю я горныя вершины.
Среди небесной пустоты
Горятъ ихъ странныя руины,
Какъ недокончанны мечты
И думы Зодчаго природы.
Тамъ недосозданные своды,
Тамъ великана голова
И неизваянное тѣло,
Тамъ пасть разинутая льва,
Тамъ профиль дѣвы онѣмѣлый....

1841.

ДИОНЕЯ.

Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.

Если ты въ циркѣ на бой гладіаторовъ смотришь, иль внем-
лешь

Мудрымъ урокамъ въ лицеѣ, иль учишься мчаться на ко-
няхъ, —

Плачетъ, ни слова не скажетъ! Когда же въ пыли ты вер-
нешся, —

Вдругъ оживетъ, и соскочетъ, и кинется съ воплемъ,

Крѣпче, чѣмъ плющъ вокругъ колонны, тебя обвиваетъ
руками:

Слезы на длинныхъ рѣсницахъ, въ устахъ поцѣлуй и улыбка.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно....
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной,
И незабудками головки не вѣнчать:
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не плющь и не цвѣты вѣются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила.... Люблю,
Какъ, разгорѣвшись и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

Пусть полудикіе Скиѣы, съ глазами налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьянаго пира,
Други! оставимте имъ, дикарямъ кровожаднымъ, обы-
чай

Сладкія Вакховы вина румянить пирующихъ кровью....
Бранныя копя средь кубковъ и факеловъ пира!...
Гдѣ мы, скажите?... Какое безумство! веселье и битва!
Полноте спорить! умолкните, други! вражду утопите
Въ чашахъ, у коихъ, чѣмъ болѣе пьете, все глубже и
глубже

Кажется звонкое дно. Возлежитѣ и пейте смиренно,
Нà руку мудрыя головы важно и тяжело уставивъ.

ЧЕРЕНЪ.

Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, звенить. Замогильный
Гость, выходи-ко! Вокругъ тебя панцырь, перчатки и бер-
дышъ:

Пусть истлѣвають! Но я отлучу тебя, черепъ, отъ тѣла;
Ты не услышишь ни кликовъ воинскихъ, ни бранныхъ уда-
ровъ.

Мирно лежи у подножія лиры эллинской, и миртомъ
Вѣчно-зеленой Эллады вѣнчайся, порой наполняясь
Гулкимъ отвѣтомъ на струны ея, потрясенныя вѣтромъ.
Также не въ вѣчныхъ ли миртахъ, не въ звукахъ ли гор-
нихъ гармоній,
Прежній хозяинъ твой, духъ, утопаетъ теперь?

ПОЭЗИЯ.

Люби, люби камень, кури имъ олимпамъ!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы намъ
Панормы небеса, Фетиды блескъ невѣрный,
И виноградники богатаго Фалерна,
И розы Пестума, и въ раскаленный день
Бландузія кристаллъ, и миръ его прохлады,
И Рима древняго священные громады,
И утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень.

1840.

НАМЯТНИКЪ.

Онъ рано ужь умѣлъ перебирать искусно
Свирѣли скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; онъ пѣлъ про плескъ ручья,
Помоной щедрою убранныя поля,
Про ласки юныхъ дѣвъ и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожныя заботы.

1842.

24

БАРЕЛЬЕФЪ.

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра : стопи его,
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ,
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ.
Нарисуй : въ саду пустынномъ,
Между лозъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ.
Вкругъ сидятъ умно и чипно
Дѣти возлѣ бочки винной;

Фавны съ хмѣлемъ на челѣ;
Вакхъ подѣ тигровою кожей
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

1842.

В. П. Ш.

Люблю я цѣлый день провести межъ горъ и скалъ....
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благости небесъ, величїи природы,
И, подъ гармонїю ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющїя воды
Лѣснаго озера и шпицы соснъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикїя ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безмысленно гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ....

Но послѣ, далеко отъ милыхъ сихъ явленій,

Въ ночи, я чувствую, передо мной встають
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальнихъ горъ ступени,
И озеро.... Тогда я слышу, какъ кипить
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горить,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли....

1841.

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО ШИРА

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Торжественъ, свѣтелъ и румянъ
Рождался день подъ небесами;
Бѣлѣлъ въ долигѣ вражій станъ
Остроконечными шатрами.
Въ уныныи горькомъ и слезахъ,
Я, плѣнникъ въ станѣ семъ великомъ,
Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
Напрасно, подъ хитономъ ночи,
Я звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
Напрасно сумрачныя очи
Искали древній нашъ Сіонъ....

Увы! надъ берегомъ Иордана
Померкло солнце прежнихъ дней;
Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
Не слышно лютеи вдохновенныхъ,
Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
Порвались струны лиръ священныхъ,
Настало время слезъ и мукъ!
Но ты, Господь, въ завѣтъ съ отцами,
Ты рекъ: «Не кину свой народъ!
Кто съветъ горькими слезами,
Тотъ жатву радости сберетъ.»
Когда жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
Сзовешь ко браннымъ знаменамъ
Оружеборцевъ молнькрылыхъ
На мечь неистовымъ врагамъ?
Когда съ главы своей усталой
Израиль пепель отряхнетъ,
И зазвенять его кимвалы,
И съ звономъ лиръ онъ воспоетъ?

1838.

II.

Колыбель моя качалась
Предъ Сіономъ, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей;

Бѣлыхъ лилій Идумен
Снѣжный вѣнчикъ цвѣтъ кругомъ,
Бѣлый голубь. Иудей.
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;

Ангелъ Божій Израиля
Вѣтвь мнѣ пальмовую далъ,
Возложилъ вѣнокъ изъ лилій
На главу — и въ путь послалъ!

1840.

ІАФЕТЪ.

....И Ной до лѣтъ маститыхъ дожилъ,
И Богъ его благословилъ,
И родъ сыновъ его умножилъ,
И имъ всю землю раздѣлилъ.

И Іафетъ пошелъ къ полночи,
Держа къ звѣздѣ полярной очи,
И сталъ онъ у Кавказъ-горы
И тамъ разбилъ свои шатры.

И былъ, какъ полная кошница,
Обилень станъ его добромъ.
Стѣной широкой колесницы
Стояли празднаыя кругомъ.

Межь нихъ паслись, высокогруды,
Степные кони и мулы,
И двугорбатые верблюды,
И мягкорунные овны.
И притекалъ народъ съ долины
На холмъ, заботливой толпой:
Мужи покрыты кожей львиной,
Въ могучей длани съ булавой;
У женъ покровъ льняной и бѣлой,
Да кринъ и розы — весь нарядъ,
И косы длинныя до пять
Объемлютъ мраморное тѣло.
На холмѣ томъ, и дряхль и сѣдъ,
Кончался старецъ, изнуренный
Тяжелой ношей многихъ лѣтъ,
Племень сихъ прадѣдъ вдохновенный,
Ихъ вождь въ пустынь, Іафеть.
И патріахъ среброволосый
Семью печальную созвалъ,
На небо, море и утесы
Съ весельемъ взоры устремлялъ.
Всходило солнце. Горъ громады,
Ихъ ледяныя колоннады
Востокъ пурпурный обагрять.
И старецъ рекъ: «Когда удары

Громовъ Господнихъ пронеслись;
 Когда, свершительницы кары,
 Въ брегахъ пучины улеглись;
 Когда, какъ мостъ, отъ Арарата
 На льдами вѣнчанный Кавказъ
 Дуга спасенья извилась,
 Я вель стада свое у ската
 Горы. Явился мнѣ тогда
 Безвѣстный мужъ. Надъ нимъ свѣтила
 Большая, яркая звѣзда:
 На раменахъ златыя крила.
 Я палъ лицемъ къ землѣ. Онъ рекъ:
 «Оставь стада, иди за мною!»
 Мы шли. Предъ нимъ смиряли бѣгъ
 Ручьи. Надъ бездною сѣдою
 Нерукотворный мостъ взлеталъ,
 Лизали землю львы степные,
 Гдѣ мужъ таинственный ступалъ.
 Вошли мы на гору. Густые
 Внизу курились облака,
 Сквозился лѣсъ, а тамъ рѣка
 О скалы билась вѣковья.
 Сказалъ онъ: «Видишь эту синь?...
 То море. Тамъ, за синью этой,
 Есть много дебрей и пустынь;

Тамъ горы тучами одѣты;
 Тамъ рѣки тихія текутъ
 Между зелеными лѣсами;
 Тамъ подъ глубокими снѣгами
 Долины солнца долго ждуть,
 И скудень даръ произрастенья....
 Но не пугайся этихъ странъ:
 Высокой жребій будетъ данъ
 Странамъ снѣговъ и запустѣвья,
 Лишь-только бѣ сонъ ихъ пробудитъ
 Духъ творчій, сущій въ человѣкѣ,
 Замкнуетъ бы пристаями рѣки,
 И землю острымъ плугомъ взрыетъ....
 Но вамъ ли, юга воскормленцамъ,
 Познать высокіе труды
 Изобрѣтательной нужды?
 Вамъ, избалованнымъ младенцамъ,
 Уразумѣть законъ міровъ,
 Поработить природы силы?...
 Ничтожна мощь земли сыновъ,
 Доколь ея не озарило
 Сіянье горняго огня.
 Ты воленъ: вотъ тебѣ на выборъ, —
 Живи безпечень, какъ дитя,
 Какъ звѣроловъ, пастухъ или рыбарь,

Но блеска истины не знай,
 Не вѣдай тайны мірозданья,
 Не чувствуй гордаго сознанья,
 Какъ звѣрь косматый.... Выбирай!»
 Предъ дивнымъ мужемъ, весь дрожащій,
 Чело я долу преклонилъ,
 И онъ главу мою накрылъ
 Своею ризою блестящей....
 Зажмурия очи, недвижимъ,
 Я только чувствовалъ, что льется
 Мнѣ въ душу свѣтъ, и передъ нимъ
 Глубокій мракъ въ ней раздается,
 И сталъ я вдругъ могучъ и смѣлъ.
 Открылъ глаза — все предо мною
 Сіяло новой красотою —
 Какъ бы внезапно я прозрѣлъ.
 А онъ исчезъ, и кто сей странникъ,
 Не знаю, — ангелъ ли святой,
 Иль нѣкій демонъ проклятой,
 Небесъ сіяющихъ изгнанникъ?

«Съ тѣхъ, поръ размноженныхъ людей
 Не могъ сносить я жизни скудной.
 Мнѣ было душно. Брегъ безлюдной
 Пустынныхъ волнъ мнѣ былъ милѣй.

Я погружался въ созерцанье
 Ночныхъ небесъ. Я изучилъ
 Теченье мѣрное свѣтилъ
 И тайный чинъ ихъ сочетанья.
 Я повялъ мысль, далъ слово ей,
 Одной чертой увѣковѣчилъ,
 И полувѣрственныхъ людей
 Обожествилъ, очеловѣчилъ.
 По волѣ случая, они
 То тамъ, то здѣсь влачили дни:
 Въ шатры, въ древесныя лачуги
 Изъ мглы пещеръ ихъ вызвалъ я,
 Запрягъ воловъ въ желѣзны плуги,
 Смирилъ строптиваго коня....
 Но что жъ? Во глубинѣ науки
 Обрѣлъ я гибельныя муки
 И отравилъ остатокъ дней
 Какой-то карой беспощадной.
 Я чуялъ въ сердцѣ — острый змѣй
 Его терзалъ, иль коршунъ хладной
 Его живое исклевалъ.
 Какой-то демонъ безпокойной
 Меня тревожилъ жаждой знойной,
 Сомнѣньемъ мысль мою смущалъ.
 Рвался я вдаль, — слабѣли силы,

И даръ блестящій, даръ унылый,
Небесный огонь — я проклиналъ!

«Теперь ужь близокъ часъ: я гасну.
Кому жь предать сей даръ ужасный?
Чей взоръ предъ ликомъ Божества,
Имъ пораженъ, не ошѣтетъ?
И чья не дрогнетъ голова,
Когда сей огонь надъ ней зардѣетъ?»

Безмолвенъ сонмъ его сыновъ
Предъ патріархомъ вдохновеннымъ,
И жены съ ужасомъ смятенымъ
Внимали звукъ громовыхъ словъ.
И изо всѣхъ, на зовъ науки,
Пришли съ спокойствіемъ святымъ
Четыре правнука, предъ нимъ
Потупя взоръ, скрестивши руки.
На нихъ глядѣлъ онъ, полнъ любви.
«Идите, правнуки мои,
Вась озаритъ поочередно.
Какъ яркой молніи струя,
Небесъ свѣтильникъ первородной.
Ты, черно-кудрое дитя,
Иди на Западъ! Тамъ, гдѣ море

Покрыто грудой острововъ,
 Есть пышный край. Тамъ на просторѣ
 Разросся лавръ. Въ груди холмовъ
 Таятся мраморъ. Мѣткимъ ломомъ
 Отъ праха мраморъ оторви,
 И мысли молніей и громомъ
 Его ты къ жизни призови.
 А ты, младенецъ съ строгимъ окомъ
 И величавостью че.ла,
 Суровый духомъ передъ рокомъ,
 Тебѣ вѣковъ грядущихъ мгла
 Готовитъ власть надъ цѣлымъ міромъ,
 И будешь ты племень кумиромъ
 И какъ рабы они толпой
 Пойдутъ въ оковахъ за тобой.
 А вы, юнѣйшіе орлята,
 Любимцы прадѣда, — туда,
 Гдѣ дремлютъ тундры, рдѣютъ блата
 Въ оковахъ сѣвернаго льда,
 Идите!... Міръ, облитый кровью,
 Міръ дикой силы и оковъ
 Преобразите вы любовью
 И цѣпи снимите съ рабовъ.
 Передаю вамъ огонь небесный!
 Вы не угасите его!

И въ міръ будетъ повсемѣстно
Господней мысли торжество!
Блюдите вы его сіянье!
Любите скорбь и испытанья,
Въ которыхъ зрѣеть мысль и трудъ,
Какъ я любилъ свои страданья!
Святыя скорби въ воздаянье
Плоды святыя принесутъ!

Умолкъ. Въ слезахъ, вокругъ топясь,
Лобзали избранные внуки
Его хладѣющія руки,
И тихо онъ, въ свой смертный часъ
Благословляя ихъ, угасъ!

1840.

МОЛИТВА БЕДУИНА.

О солнце! твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещеть,

А море племень здѣсь клокочетъ и плещеть....

Вдали отъ серебряныхъ рѣкъ и ручьевъ,

Такъ бродить и гибнетъ въ степи караванъ позабытый:

Напрасно ждутъ люди отъ вихрей песчаныхъ защиты

Подъ грудью верблюдовъ и сѣнью шатровъ.

О солнце! накрой ты порфирой зеленой

Пустыни нагія; росой благовонной

Кокось нашъ и финикъ и пальму питай;

Смягчи серебро ты оцновъ бѣлорунныхъ Кедара;

Верблюдамъ дай силу итти средь безводья и жара;

Конямъ легкость вѣтра пустыннаго дай!

Самума отъ насъ отврати ты заразы;
А къ вечеру звѣздъ сынь на небѣ алмазы:
Пусть кроткій ихъ блескъ въ сѣнь радушныхъ шатровъ
Къ намъ путниковъ степи ведетъ на ночлегъ изъ-далека!
И ярче лей пурпуръ и розы съ златаго востока
На люльки дѣтей и гробницы отцовъ!

1839.

ВЕРТОГРАДЪ.

Посмотри въ свой вертоградъ:
Въ немъ нарциссъ ужь распустился;
Зелень кедръ; вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ;
Яблонь въ цвѣтъ благовонномъ
Будто въ снѣжномъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключь бѣжить къ долинамъ соннымъ....
Вертоградъ свой отопри:
Чтобъ зацвѣсть, твой розань снѣжной
Ждетъ твоей улыбки нѣжной,
Какъ луча молодой зари.

ЕДИНОЕ БЛАГО.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ увидеть снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалить, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится....
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталой
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой!

ПЕРИ И АЗРАИЛЬ.

ПЕРИ.

Останови свой мечъ горящій
Въ долину бранной, Азраиль!
Повсюду смерть и огонь кипящій
Онъ по землѣ распространилъ;
Вездѣ, гдѣ челоуѣкъ ни ступитъ,
На серебро ль полярныхъ льдовъ
Иль огонь тропическихъ песковъ, —
Онъ ихъ костями своими купитъ,
Онъ ихъ обрызгаетъ въ крови!

АЗРАИЛЬ.

Мой мечъ не даромъ обагрываетъ
Дождемъ кровавымъ грудь земли:

Гдѣ только кровь ни напоитъ
Творящей силой бѣдный прахъ, —
Какъ ночью звѣзды въ небесахъ,
Какъ клась отъ темнаго поѣва,
Какъ изъ зерна младое древо,
Ростутъ и блещутъ города;
Въ священный храмъ ложатся кедры,
Кидаетъ мраморъ горны нѣдры,
Ширококрылыя суда
Текутъ въ рѣкахъ окровавленныхъ,
И на костяхъ не погребенныхъ
Народъ престолы создаетъ
И скиптръ съ вѣнцомъ себѣ куетъ.

1844.

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлють споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой — во всемъ величьи зла,
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горять два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жъ уступить
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную пѣтъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:

Его живить смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

1841.

D J E F U H

ИСПОВѢДЬ.

Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: все тщетно! Тяжкихъ узъ
Мой духъ чуждается.... Когда на взоръ мой томный
Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной, —
Я самъ не свой! Прости, Сенека, Локкъ и Кантъ,
И пыльныхъ кодексовъ старинный фолиантъ,
Лицеѣ блистательный и портикъ величавый,
И знаменитый рядъ именъ, вѣнчанныхъ славой?...
Опять ко мнѣ прійдутъ игривая мечта,
И лики блѣдные, и имя на уста,
И взоры томные и трепеть сладкой нѣги,
И стихъ таинственный задумчивыхъ элегій.

1841.

* * *

Не назову ея богиней
Ни идеаломъ красоты:
Ея прелестныя черты
Не небомъ дышать, не святыней;
Ея привѣтный, кроткій ликъ
Мнѣ въ сердце солнцемъ не проникъ,
За мной не слѣдовалъ повсюду....
Такъ! но я долго помнить буду
Игривый звукъ ея рѣчей,
Глаза, какъ двѣ звѣзды ночныя,
И кудри, кудри смоляныя
На бѣломъ мраморѣ плечей.

* * *

О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю,
О чемъ, при свѣтѣ дня, всечасно помышляю
То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
Ты, другъ мой вѣтрный, услада дней моихъ,
Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ молчаньи
Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

1841.

* * *

Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума,
Меня гнететъ одна мучительная дума?
Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
Иль міра торжество не праздникъ для меня?...
Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
Кто волей оторвавъ сомнѣнія ума,
Святую Библію читаетъ съ умиленьемъ,
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу заветную, и плакалъ передъ нимъ

1841.

ЖИЗНЬ.

Грядущихъ нашихъ дней святая глубина
Подобно озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебнаго ихъ сна
Не будить ранній вѣтръ, играя съ камышами.
Пытливый юноша, годовъ пронзая мглу,
Подходить къ берегамъ, разводить осторожно
Густыя вѣтви ивъ и мыслию тревожной
За взоромъ слѣдуетъ.... По водному стеклу
Аврора пурпуръ свой разсыпала струисто....
Какъ темны гряды скалъ! какъ небо золотисто!
Какъ стаду мелкихъ рыбъ, блистая въ серебрѣ,
На солнцѣ радостно играть и полоскаться!
Но.... юноша, бѣги! на утренней зарѣ
Опять не приходи смотрѣть и любоваться

На это озеро! Теперь внимаешь ты
 Лишь шопоту деревъ и плеску струй шумливыхъ;
 А тамъ, подъ образомъ блестящей красоты,
 Съ приманкою любви, съ приманкой ласкъ стыдливыхъ,
 Красавицъ легкій рой мелькнетъ передъ тобой;
 Ты кинешься за ней, за милою толпой,
 Съ роднаго берега.... Паденья шумъ мгновенный,
 Урчаніе и стонъ пучины пробужденной
 Окрестность огласитъ, и скоро смолкнетъ онъ,
 И стихнетъ все. Но что жъ, подъ зеркаломъ кристалла,
 Увидишь ты?.... Увы! исчезнетъ все какъ сонъ!
 Ни роцъ коралловыхъ, ни храмовъ изъ опала,
 Ни скалъ, увѣнчанныхъ въ золотыя тростники,
 Ни нимфъ, свивающихъ въ гирлянды и вѣнки
 Подводныя причудливыя травы....
 Нѣтъ! ты падешь къ однимъ скаламъ нѣмымъ,
 Къ растеньямъ, дышащимъ губительной отравой:
 И, вызвана паденіемъ твоимъ,
 Толпа алкающихъ чудовищъ
 На жертву кинется, низвергнутую къ нимъ
 Приманкой красоты и счастья и сокровищъ.

БЕЗВѢТРІЕ

Какъ ч то озмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ,
Мой духъ кипить въ избыткѣ силъ!
Онъ рвется въ облака мучительнымъ желаньемъ,
Онъ жаждетъ воли, жаждетъ крыль.
И вотъ младая мысль съ презрѣньемъ и тоскою
Глядитъ на жизни темной даль,
На трудъ, лелѣемый пурпурною зарею,
На скорбь и радость и печаль.
Питая свой восторгъ безумный и строптивый,
Мятежно рвется ввысь она:
Въ чертоги вымысла влекутъ ее порывы,
И вотъ, предъ ней блеститъ волна,
Корабль готовъ отплыть, натянуты канаты,

Вотъ якорь поднять... съ береговъ
 Народъ подѣмлетъ крикъ... вотъ паруса подъяты:
 Лишь вѣтра ждуть, чтобъ грудь валовъ
 Кормою разсѣкать; на палубѣ дрожащій
 Пловецъ желаніемъ горить.
 «Простите берега!...» Но моря въ влагѣ спящей
 Ни зыби вокругъ не пробѣжитъ,
 Не будить вѣтерокъ игривыми крылами
 Въ отяжелѣвшей влагѣ волнъ,
 И туча не взмахнетъ жемчужными кудрями,
 И воздухъ густъ и жара полнъ;
 На мачтѣ паруса висятъ и упадаютъ,
 Віась, на палубу; пловецъ
 Въ отчаяннѣ глядитъ, какъ воды засыпаютъ
 Вездѣ недвижны, какъ свинецъ,
 Глядитъ на даль... но тамъ лишь чаекъ слышитъ крики,
 И видитъ рѣзкій ихъ полетъ.
 Вдали теряется въ извивахъ берегъ дикій:
 Тамъ безпредѣльность настаетъ.
 Онъ смотритъ съ грустію — ни облака, ни тучи
 Не всходитъ въ синихъ небесахъ,
 Не плещетъ, не шумитъ на мачтѣ флагъ летучій...
 Вотъ ночь ложится на водахъ:
 Онъ все-еще глядитъ на руль, гдѣ клубы пѣны

Облиты мѣсячнымъ лучомъ,
На мачты тонкій верхъ туманомъ покровенный,
И флагъ обвившійся кругомъ.

1839.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились: въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго идоломъ забытымъ любовался.
 Лукаво изъ кустовъ кумиръ мнѣ улыбался.
 Мнѣ стало жаль его. «Ты нѣкогда былъ богъ,
 Циническій кумиръ! Тебѣ, при Флейтѣ звонкой,
 Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
 На камнѣ заколалъ съ молитвою ягненка
 И кровью орошалъ тебя.... О! расскажи:
 Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
 Развѣчанный? Тогда бывали ближе ль къ счастью
 Младья племена? Иль это умной лжи
 Несбытнѣйшій вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья?
 Иль вѣкъ одни и тѣ жъ земныя поколѣнья?...
 Ты улыбаешься?... Потомъ была пора,
 Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
 Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,
 Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали
 Тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ,
 И римскихъ цезарей и греческихъ боговъ;
 А все смѣялся ты, умильно ослабляясь....
 Ты видѣлъ бальный блескъ. По саду разливаясь,
 Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
 Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
 Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
 Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья....
 Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ

Ненарушимыми? любовь въ сердцахъ у нихъ
 Горѣла вѣчно ли, и долѣе ль, чѣмъ имя
 И увѣренья ихъ, на мраморѣ твоёмъ
 Напечатлѣнные и... смытыя дождемъ?
 Иль, можетъ быть, опять подъ липами твоими
 Являлися они, условившись, съ другими?
 И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
 Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
 Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?

.

Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошала,
 И циникъ мраморный язвительно смѣялся.

1841.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНОМУ

САФО.

I.

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила,
И лиру миртомъ убрала?....
Такъ, мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу мукъ:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи какой умѣла властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, въ ней
Границъ холодныхъ не преступить:
Она безмысленныхъ очей
Не озарить огнемъ страстей

И вдругъ стыдливо не потупить;
Не можетъ локоновъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ какъ-бы случайно
Широко ризы разметать.

1844.

II.

Звѣзда божественной Киприды!
Люблю я рапсодій твой восходъ,
Въ часы, какъ ночь своей хламидой
Востокъ туманный обовѣтъ.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотить,
Гдѣ Вакхъ, въ вѣнцѣ изъ винограда
И тигра кожу покрываетъ,
Съ кипящей чашей предсѣдаетъ.
Ты миръ вселяешь средь дубровъ,
Гдѣ нимфа робко пробѣгаетъ,
За ней влюбленный богъ лѣсовъ.
Твой лучъ дрожащій вызываетъ
Гимнъ Филомелы надъ ручьемъ.

Милѣй съ сїяніи твоємъ
Любви мечтательность и нѣжность,
И взоромъ отраженный взоръ,
Одежды легкая небрежность,
И полускромный разговоръ.

1841.

АНАКРЕОНЪ

—
* * *

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь — плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ —
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ — мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ теплой хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ

Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмѣль и хмѣль въ рѣчахъ.

1843.

ПРОПЕРЦІЙ.

I.

ТУЛЛУ.

Ты счастливъ, Туллъ, сидя безмолвно
Подъ сельскимъ портякомъ своимъ
За чашей греческою, полной
Лесбоса сокомъ золотымъ.
Ты взоромъ слѣдуешь спокойно
За бѣгомъ лодокъ по рѣкѣ,
Пловцовъ внимая пѣсни стройной,
Ловя ихъ парусъ вдалекѣ,
Или любясь важнымъ ходомъ
Влекомыхъ вервями судовъ,
И на привѣтствія пловцовъ

Головой киваешь мимоходомъ.
Но, другъ мой, Павоса жрецу,
Мнѣ не вкусить тѣхъ наслажденій!
Зато, когда на ложѣ лѣни,
Склонясь ко мнѣ, лицомъ къ лицу,
Задремлетъ Цинтія; когда я
Въ ея запутаю власахъ
Свои персты, въ-тиши внимаю
Сквозь-сонный лепетъ на устахъ,
И ей люблюсь: что Пактолы
Златая розсыпь для меня,
Всемирный скиптръ, вѣнецъ тяжелый
И бармы пышныя царя!

1844.

II.

ЦИНТИЯ.

О Цинтія! вдали отъ друга своего,
Когда зриаешь ты на волны голубыя,
Обнявшія брега Неаполя златыя,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мнѣ ль летять твои игривыя мечтанья?
Меня ли ищетъ взоръ на этихъ челнокахъ,
Мелькающихъ вдали на бѣлыхъ парусахъ?
Все та же ль ты какъ въ часъ послѣдняго свиданья?
Быть можетъ.... страшная мечта!... передъ тобой
Иной на гимнъ любви кивары строй наладилъ....
Ты улыбаешься.... а дерзкою рукой
Онъ имя Цинтія въ стихахъ моихъ изгладилъ....
Быть можетъ, на берегу зелено-теплыхъ водъ,

Подъ тѣнью маслины, густымъ плющомъ увитой,
 Довѣрчиво, ему внимаешь ты — и вотъ,
 Моя любовь и я, тобою все забыто!...
 Прочь! прочь, коварный сонъ! разсѣйся ты какъ дымъ!
 Иль лучше ты яви мнѣ Цинтію младую,
 Какъ бродить, грустная, надъ озеромъ лѣснымъ,
 И, въ легкомъ челнокѣ, равнину водяную
 Браздя весломъ, собой любится въ водахъ,
 Теряя розы въ взволнованныхъ струяхъ;
 Иль въ полдень у ручья, за рощею зеленой,
 Одежды сбросивши на бархатъ луговой,
 Спускается въ ручей робѣющей ногой,
 Невольнымъ визгомъ вдругъ долину оглашаетъ,
 И, воды расшлеснувъ, какъ лебедь выплываетъ.

1841.

ГОРАЦІЙ.

I.

Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?
Кто этотъ юноша, въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ,
Укрывъ свой чолнъ въ кустахъ, взбѣгаетъ на утесъ
И въ гротѣ на скалѣ тебя онъ обнимаетъ?...
Какъ счастливъ онъ!... любовь въ очахъ его горитъ!...
Но онъ, неопытный, не знаетъ, какъ невѣрно
То море! какъ оно обманчиво блеститъ,
Подобно женщинѣ, темно и лицемѣрно!
Твоя золотая рѣчь — крыло его ладьи.
Онъ думаетъ найти любовь и наслажденье,
Но, Боже мой! онъ бурь не слышитъ приближенья,
Свирѣпыхъ моря бурь и страшныхъ бурь любви!
Но мнѣ ужь этихъ грозъ не страшно дуновенье:

Я вышелъ на берегъ, во храмъ; богамъ своимъ
Гирлянды возложилъ на жертвенникъ спасенья,
И ризы влажныя развѣсилъ передъ нимъ.

1841.

II.

Легче лани юной ты
Убѣгаешь предо мною.
Залепечуть ли листы,
Вѣтерокъ ли надъ водою
Пробѣжитъ, или въ кустахъ
Слышенъ ящерицы шорохъ —
Ужь ее объѣмлетъ страхъ,
Гнутся ноги, огонь во взорахъ.
Погляди: ты не дитя;
Очи томны у тебя;
Персей ризы не скрываютъ;
Косы плечи обнимаютъ....
Дѣва милая! лови
Мигъ блаженства и любви!

ШАРЦІАЛЪ.

—
* * *

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней, —
Друга собѣ не ищи и ничьимъ не зови себя другомъ:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842.

ОВИДІЙ.

ПОСЛАНИЕ СЪ НОНТА.

(Вольное подражаніе.)

Здорово, добрый другъ! здорово, консулъ новый!
Я знаю, — въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь....
Увѣренъ, что купилъ народную любовь
Взираешь ты какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злаченными рогами....
Но если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручить
Начертанное здѣсь изгнанника рукою, —
Какъ встрѣтишь ты его? чѣмъ взоръ твой заблеститъ?

Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
 Иль кинешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
 Чтобъ ни было! ты все стоишь передо мною
 Какъ прежній добрый другъ.... и я клянусь судьбу,
 Стократъ ее клянусь, что разлученъ съ тобою,
 Что нѣтъ на торжествѣ твоёмъ моихъ даровъ;
 Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
 Подняться со скамьи, и голосомъ невѣрнымъ
 Отъ чувства полноты, — прочесть тебѣ стиховъ!
 Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
 Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ....
 Уже Авзоніи блестящія цвѣты
 Блѣднѣютъ передо мной, а мирная долина,
 Пустынные берега шумящаго Эвксина
 Да быта скиѣскаго суровыя черты
 Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!...
 А пѣсни дикарей!... Межъ Скиѣовъ, въ ихъ пустынь,
 Я самъ сталъ полу-скиѣ. Повѣришь ли, я нынѣ
 Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
 Я приучилъ его къ себѣ какъ звѣря. Имъ
 Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,
 Я правлю, онъ звучитъ и мѣрный стихъ слагаетъ.
 Пойми меня, мой другъ, пойми! Мой грубый стихъ
 Не втунѣ ужъ звучитъ среди пустынь нагихъ,
 А принять, повторенъ и понятъ человѣкомъ!

И Скины дикіе, подобно древнимъ Грекамъ,
 Съ улыбкою, зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
 Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
 Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима,
 И все, съ чѣмъ мысль моя во вѣкъ неразлучима....
 О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя....
 Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я;
 Я пѣлъ, какъ, побѣдивъ Батавовъ и Тевтоновъ,
 Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
 Окованные, шли средь римскихъ легионовъ,
 И сыпались цвѣты, дымились алтари,
 И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
 И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу....
 Еще не кончилъ я, а эти дикари
 Смеркали взорами, колчаны потрясали,
 И изумленные, въ восторгъ повторяли:
 «Ты славишь Августа — зачѣмъ же ты не съ нимъ?»
 То Скины говорятъ, — а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
 Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустышѣ....

ЭНИКУРЕЙСКІЯ ПЪСНИ.

I.

**Мирта Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя?
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златыя!**

**Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадню
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной.**

1840.

II.

Блестить чертогъ; горить елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ:
Фонтанъ, шума, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!

Настанетъ часъ — воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,

Какъ сей скелеть бѣлоголовый,
 Бѣгдѣць могиль! На звуки флейтъ и лиръ
 Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
 Но онъ вѣдь пѣлъ и онъ любилъ,
 И богу гроздїй онъ служилъ....
 О други! сыпьте розъ Гораціева сада
 По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
 И свѣжей кистью винограда
 Вѣнчайте черепъ — этотъ храмъ,
 Чертогъ покинутый и сирыи,
 Гдѣ обиталъ животворящїй духъ,
 Во дни, когда кивара съ звонкой лирой
 Его плѣняли чуткїй слухъ,
 И пилъ онъ розъ благоуханье,
 Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
 И дѣвъ горячія лобзанья,
 И трепеть груди молодой!

1840.

III.

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
 Жизнь, душа моихъ пировъ,
Ты, мой маленькій философъ,
 Пристыжаешь мудрецовъ
Разрѣшеньемъ ихъ вопросовъ,
 Пытки мудрыхъ ихъ головъ!

И твержу я за тобою:
Смертный! съ жизнію землею
 Ты не много разсуждай!
Раньше чаръ ея приманку,
 И смѣлѣе разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
 И изъ рукъ не выпускай!

Пусть, капризная, вертится,
 И царапаетъ, и злится,
 Ты покровъ съ нея сорви,
 Мни гирлянды, плющъ и розы,
 Въ мигъ всю жизнь переживи,
 Счастье, клятвы, ласки, слезы,
 Все безуміе любви!

Тѣ, которые узнали
 Въ жизни бури вакханалій —
 Нѣтъ ужъ новости имъ въ ней!
 О людская безтолковость!
 Смертный! знай, что въ жизни сей
 Для тебя одна лишь новость:
 Смерть — и тайный міръ тѣней.

1850.

DUHTEGRIE OHEPI

МОНАСТЫРЬ.

(Введение къ ненаписанной поэмѣ.)

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзныя оковы
И, знаменемъ креста прикрывъ нещадный мечъ,
Миръ проповѣдывалъ въ огнѣ немолчныхъ сѣчь,
Сюда отшельницы водой въ ладьяхъ приплыли
И крестъ на сей горѣ блестящій водрузили,
И скоро храмъ возсталъ надъ влагой голубой.
Своей прозрачною, готической иглой
Онъ гордо возлеталъ въ воздушныя равнины,
И стѣны раскидалъ по скатамъ цѣпью длинной.
Но вотъ прошли вѣка — какъ остовъ, этотъ храмъ,
Какъ привидѣніе, чернѣетъ по ночамъ;

Въ ночномъ молчаніи, какъ выходцы гробницы,
 Нагіе остовы и башень, и бойницы;
 Сквозь окна древнія пробился лучъ луны,
 Серебряной рѣкой, вдоль подземельныхъ сходовъ;
 Колонны гордыя, какъ бы утомлены
 На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
 Пригнулися къ землѣ... Все тлѣніе и прахъ!
 Здѣсь, за оградю, въ окованныхъ стѣнахъ,
 Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья,
 Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья;
 Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли,
 И въ мирной келии, отъ суеты вдали,
 Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
 Одежду мертвую и къ небу воспаряли....
 Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
 Всегда ль въ полунощномъ молчаніи дубровъ,
 Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
 Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
 Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
 Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
 Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
 Склонившися къ окну, отшельница младая,
 Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
 На лоно вѣчности, въ надоблачный эфиръ,
 Гдѣ ангелы поютъ божественныя гимны,

Откуда бѣдную зовуть гостепріимно?
 Не правда ль, часто взоръ, какъ небо голубой,
 На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
 И уху робкому мечтались не молитвы,
 А цитры тихій звонъ иль кликъ опасной битвы....
 И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
 Туманя ясные красавицы глаза,
 По бѣдному лицу жемчужиной блистала....
 И юная глава въ волненьи упадала
 На руки бѣлыя, и прядь золотыхъ кудрей
 Волною падала по мрамору плечей,
 И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
 И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?...

1839.

ПРИЗВАНІЕ.

Шумя, на полныхъ парусахъ,
Какъ на распущенныхъ крылахъ,
Летѣлъ корабль, безстрашно спори
Съ волнами дѣвственнаго моря.
Казалось, чуждо было имъ
Досель невѣдомое бремя.
Спокойно вѣнчанное темя
Онѣ склоняли передъ нимъ.
Былъ вечеръ. Палуба безмолвна:
Одинъ пловецъ въ плащѣ стоялъ
И зорь на западъ устремлялъ,
Гдѣ вечеръ гасъ, краснѣлись волны.
Онъ видитъ — съ-лѣва, между водъ,
Громады скалъ. Ихъ очеркъ странной

Ему знакомъ. Въ выси туманной
 Изъ-за утесовъ возстаеъ
 Нѣмая конная статуя,
 Одѣта броней, со щитомъ,
 И гордо каменнымъ перстомъ
 Ему на западъ указуя.
 Корабль летѣлъ, за водный склонъ
 Зеленый островъ погружался,
 Тонули скалы: только онъ,
 Недвижный всадникъ, оставался,
 На дальный западъ обращенъ.

И понялъ странствователь свѣта
 Сокрытый смыслъ скалы нѣмой:
 То Божій перстъ! не столпъ запрета!...
 Впередъ! за гаснушей зарей!
 Ни безграничность синей дали,
 Ни ядъ, ни ропота гроза,
 Ни глубь, ни въ гнѣвъ небеса,
 Его полеть не устрашали.
 Онъ плылъ.... И скоро, будто дымъ,
 Подъ небомъ вечера златымъ
 Открылись очерки утесовъ,
 Подъ сѣнью пальмъ, въ вѣнцѣ кокосовъ.
 И пали ницъ пловцы предъ нимъ,

Познавъ въ немъ Божьяго пророка.
 Что жь думалъ онъ, пловецъ высокій,
 Когда на землю онъ взиралъ,
 Молился, и рукою смѣлой,
 Во имя мудрой Изабеллы,
 Кортесовъ знамя водружалъ?

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
 Свое призванье въ жизни сей,
 И смѣло шелъ между зыбей
 Къ предѣлу избранныя цѣли;
 Кто къ ней всегда руководимъ
 Единой мыслью неизмѣнной,
 Какъ Генуэзецъ, вдохновенной
 Гранитнымъ всадникомъ своимъ!

1841.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Чолнъ осматривалъ дырявый
И бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:

«Поздоровится тутъ, жди!

Времена ужь не такія...

Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,

А челнокъ для рыбака

То жь что бабѣ веретѣна,

Али конь для сѣдока.

«Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,

Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ

Нынче пахнетъ табачищемъ....

Ходитъ въ мирѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь —

Смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!...

Лодка, вишь, имъ помѣшала,

И давай рубить ей дно....

«Да, ужь стала здѣсь сторонка

За теперешнимъ царемъ!...

Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто

Промышлять сюда идемъ».

Всадникъ прочь съ коня, и молча
 За работу принялся;
 Живо дѣло закипѣло
 И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
 Такъ и тычетъ долото —
 И челнокъ на славу вышелъ,
 А вѣдь былъ что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
 Хоть на Ладогу ступай,
 Да закинуть сътъ на счастье
 На Петрово попытай». —

«На Петрово! эко слово
 Молвилъ! — думаетъ рыбакъ —
 Съ топоромъ гляди какъ ловокъ....
 А по рѣчн.... Какъ же такъ?»....

И развелъ старикъ руками,
 Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
 Смотритъ долго въ ту сторонку,
 Гдѣ чудесный гость исчезъ.

1841.

ИЗЪ «ОДИНОА И ЭСОПР».

I.

Подъ небожь темно-голубымъ,
Увѣнчанъ цѣпью аппенинской,
Властитель міра исполинской,
Великолѣпный блещеть Римъ.
Палаты царственныя дремятъ
При блескъ утреннихъ лучей;
Колонны пышныя подъемлютъ
Тріумфомъ вѣнчанныхъ мужей;
Далеко мраморомъ сіяеть
Сереброглавый пантеонъ,
Гдѣ сводъ единый осѣняетъ
Боговъ всѣхъ странъ и всѣхъ племень.

Тамъ циркъ: на немъ слѣды кровавы
 Недавней битвы ярыхъ львовъ.
 Тамъ Тибръ струится величавый,
 И, въ мутной влагѣ, съ береговъ
 Глядится цѣпь дворцовъ великихъ.
 Рабы всѣхъ странъ къ водамъ его
 Коней приводятъ полудикихъ,
 И старецъ древній, божество
 Его истоковъ, съ бѣлой урной
 Лежить у брега надъ водой,
 И рядъ триремъ съ златой кормой
 Бѣжитъ вдоль скатерти лазурной.
 Подъ сѣнью римскаго орла
 Стоять угрюмый Капитолій,
 Предъ кѣмъ вселенная, въ неволѣ,
 Рабой покорною легла.
 Глядитъ онъ на Квиритовъ форумъ,
 Трибуновъ рѣчи ждетъ; но онъ
 Молчить: какъ прежде шумнымъ споромъ
 Его покой не пробужденъ.
 Одни свидѣтели нѣмые
 Его блистательныхъ временъ,
 Какъ воины сторожевые,
 Статуи высятся вокругъ.
 Не въ ихъ ли груди благородной,

Среди толпы разнонародной,
 Хранится Римлянъ гордый духъ?
 Лишь ихъ чело объято думой
 О благѣ родины; ихъ видъ,
 Ихъ взоръ холодный и угрюмой
 Потомковъ суетныхъ корить;
 Они же въ улицахъ широкихъ
 Кипятъ межъ всѣхъ племенъ земныхъ:
 Тамъ черный рабъ степей глубокихъ
 И царь развѣнчанный; межъ нихъ
 Потомокъ консуловъ, сенаторъ,
 И полудикій гладіаторъ;
 Тамъ мчитъ патрицій молодой
 Коней по звонкой мостовой;
 Тамъ хлѣбъ Этруріи богатой
 Въ пыли влѣкутъ волы рогаты....
 Но прочь, народъ! взвѣвая прахъ,
 Несется съ громомъ колесница
 На быстро-огненныхъ коняхъ.
 Кто въ ней? чья эта багряница?
 Предъ кѣмъ сторонится народъ,
 И старъ и младъ, богачъ и бѣдный?
 Не императоръ ли грядеть?
 Не триумфаторъ ли побѣдный?...
 Нѣтъ! въ ней по поприщу летитъ

Полночныхъ праздниковъ царица,
 Кого всемірная столица
 Покорно чествуетъ и чтить.
 Покровъ съ главы ея взвѣваетъ
 Клубами вѣтеръ на-лету;
 Ея одежда не скрываетъ
 Роскошной груди красоту.
 Склонясь небрежно въ колесницѣ,
 Она, блистательной царицей,
 И своенравна и горда,
 Вкругъ на народъ взираетъ праздный.
 Ея пурпурныя уста,
 Дыша всей роскошью соблазна,
 Какъ-будто юношамъ твердятъ:
 «Дыханьемъ тирскихъ аромать,
 «Душистой миррой и алоэ
 «Мой одръ пуховый напоенъ.
 «Блаженъ, предъ кѣмъ въ моемъ покоѣ
 «Кисейный завѣсъ устраненъ;
 «Кто груди мраморъ раскаленный
 «Освободилъ отъ пышныхъ розъ,
 «И нардомъ умашенныхъ косъ
 «Впивалъ амброзію, смущенный!...»
 И мыслить вѣтренный народъ —
 Кого Аглая избереть?

Кто вкусить съ ней, вслѣдъ шумныхъ оргій,
 При плескѣ усыпленныхъ струй,
 Любви мятежные восторги,
 Любви мятежный поцѣлуй?...
 Ловите, юные счастливицы,
 Аглаей брошенный вѣнокъ!
 Кому, влюбленные ревнивицы,
 Назначень счастья залогъ?
 Онъ предъ Олинеомъ упадаетъ....
 Счастливецъ выборомъ смущень....
 Но колесница исчезаетъ,
 И слышитъ голосъ милый онъ:
 «Я жду тебя!»

О боги, боги!...

Олинеъ! ты ль это? На любовь
 Ты холоденъ: ея тревоги
 Уже ль твоя забыла кровь?
 Бывало, рабъ любви и нѣги,
 Дѣлалъ ты тайные ночлеги
 Съ Аглаей пылкой; жаждалъ ты
 Одной полночной темноты,
 Когда она, въ толпѣ влюбленной
 Тебя избравъ, твоей любви
 Ввѣрляла прелести свои,

И грудь и станъ разоблаченной.

«Итти иль нѣтъ?» — такъ мыслилъ онъ —

«Чему я рокомъ обреченъ?

«Аглая, гордая Аглая,

«Съ своей аѳинскою душой,

«Съ огнемъ полуденнаго края,

«Съ его поэзіей живой,

«Меня любила.... Жребій мой

«Теперь въ рукахъ иной царицы!

«Она — безъ злата, багряницы,

«Но, тихой святостью чела

«И дѣтской воли дивной силой,

«Аглая блескъ превозмогла....

«А все царицѣ, прежде милой,

«Готовясь въ тартаръ низойти,

«Хотѣлъ бы я сказать прости!»

II.

Былъ свѣтель полдень золотой.
Между листовъ густаго сада
Струилась тихая прохлада;
Фонтанъ, серебряной горой,
На солнцѣ ввысь взвивалъ алмазы;
Подъ портикомъ, между колоннъ,
Съ цвѣтами мраморныя вазы
Благоухали; упоенъ
Дыханьемъ розы и лилеи
Былъ воздухъ утренній; вдали
Высокихъ тополей аллеи
Къ статуямъ греческимъ вели.
Какъ неренда молодая,
Передъ фонтаномъ на скамьѣ,

Сидѣла пышная Аглая
Съ златою лютнею въ рукѣ.

АГЛАЯ.

А! это ты, патрицій милый!
Ты такъ послушень.... Я люблю
Такихъ любовниковъ. Свою
Аглаю вспомнилъ ты на-силу!
Признайся: ты передо мной
Неправъ, конечно?

ОЛИНЪ.

Я съ тобой,
Я вновь у ногъ твоихъ, Аглая!

АГЛАЯ.

Да, если бы не мой вѣнокъ....

ОЛИНЪ.

Аглая!

АГЛАЯ.

Но къ чему упрекъ!
Ты здѣсь.... Мой другъ, скажи: мечтая,
Ты вспоминаешь ли тѣ дни,
Дни счастья и любви мятежной,
Когда, вдали отъ всѣхъ, одни,

Мы упивались страстью нѣжной;
 Когда для красоты иной
 Я не была тобой забыта?

олинеъ.

Тѣ дни, когда твои ланиты,
 Твои уста еще другой
 Не жегъ неистовымъ лобзаньемъ?

аглая.

Что, если бѣ прежняя любовь
 Воскресла, съ нѣгой и страданьемъ;
 Когда бѣ толпа моихъ рабовъ
 Была оставлена, — открыта
 Тебѣ лишь дверь моя порой
 Ночной, — была ли бы тобой
 Моя соперница забыта?

олинеъ.

Аглая, полно! перестань!

аглая.

И впрямь, элегій унылой
 Платить не въ модѣ нынѣ дань.
 Но.... слушай, мой измѣнникъ милой!
 Хоть нынѣ ты забылъ меня,

Но я... сказать ли?... я тебя
 Воспоминала. Было скучно
 Одной мгнѣ.

олинѣ.

Что жъ, въ толпѣ послушной
 Тебя занять не могъ иной?

аглая.

О, нѣтъ! Они всѣ такъ ничтожны,
 Съ такой отцвѣтшею душой;
 А я люблю огонь тревожный,
 Порывы страсти молодой.
 Въ объятяхъ огненныхъ покоить
 Статую хладную какъ ледъ....
 Нѣтъ! имъ любви моей не стоитъ,
 Мертвецъ ли пылъ ея пойметъ!
 Но ты молчишь все?... Полно, милый!
 Такихъ мужей я не люблю,
 Какъ нашъ Катонъ, Сенека хилый.
 Ласкай красавицу свою
 И улыбнись.

олинѣ.

Мой другъ, Аглая!

Живи, вовѣкъ заботъ не зная;
 Питай въ груди огонь страстей;
 Вѣнчай свой кубокъ миртомъ свѣжимъ;
 Блаженство жизни шумной пей....
 Блаженъ, кто на груди твоей,
 Тобой любимъ, тобою нѣжимъ,
 Вкушаетъ счастье! Но мнѣ,
 Моя Аспазія, ужь скоро
 Быть можетъ, въ адской глубинѣ,
 Не зрѣть твоей улыбки, взора,
 Съ тобой не праздновать досугъ.
 Быть-можетъ.... Но скажи, мой другъ:
 Когда про мой конецъ неожиданный
 Узнаешь, принесешь ли ты
 На прахъ мой миртъ благоуханный
 Своихъ гирляндъ?

АГЛАЯ.

Что за мечты!

Что за вопросъ!... Мой другъ прекрасный,
 Послушай лучше пѣсни страстной,

Лезбійской пѣсни. Миѣ ее
Поеть невольница.

НЕВОЛЬНИЦА ПОЕТЬ.

«Я войду въ тотъ садъ прекрасный,
Гдѣ, царицею цвѣтовъ,
Ты почишь сладострастно
Межъ акацій и дубовъ.
«Тихой страстию волнуемъ,
На тебя я погляжу,
И внезапнымъ поцѣлуемъ
Легкій сонъ твой пробужу.»

АГЛАЯ.

Не правда ль, вѣсть пѣсня эта
Отчизной Сафо?... Но, мой другъ,
Ты все угрюмъ, и нѣтъ отвѣта
На твой любимый прежде звукъ?

ОЛИНЬ.

Ахъ! я узналъ иные звуки!
Я слышалъ — клиръ еврейскихъ дѣвъ....

Угрюмъ и мраченъ ихъ напѣвъ;
Онъ слезъ просилъ, какъ плачь разлуки,
И эти слезы онъ исторгъ!
Такъ! плакалъ я, клянусь, Аглая!
Безмысленно благословляя
Души мучительный восторгъ.

1840.

ГРЕЗЫ.

I.

Зима, зима! Морозъ трещить ;
Луна въ кольцо на тверди синей ;
Звѣздится снѣгъ ; лазурный иней
На черныхъ деревьяхъ блестить....
Всегда любилъ я ночь. Бывало ,
Съ какимъ я трепетомъ слѣдилъ ,
Какъ лунный лучъ переходилъ
По полу дѣдовскаго зала!...
И ужасъ мной овладѣвалъ ,
Но я любилъ его ; все ждалъ
Чего-то ; робко слушалъ : дико
Мнѣ было ; страшно нарушать

Движеньемъ, словомъ оскорблять,
 Кажалось, этотъ часъ великой;
 Какъ будто, что-то въ этотъ мигъ
 Свершалось дивное....

II.

И нынѣ

Люблю я тишь часовъ ночныхъ,
 И лучъ луны серебристо-синій;
 Но нынѣ не слѣдить мой взоръ
 Ни ночи шествіе святое,
 Ни небо въ царственномъ покоѣ,
 Ни искровидный метеоръ.
 Иныя тайны прихотливо
 У ней допрашиваю я:
 Часъ этотъ — думы молчаливой.
 Оставлены заботы дня,
 Оставлены его оковы,
 Личины сняты. Самъ съ собой,
 Теперь открытый и прямой,
 Въ насъ умъ бесѣдуетъ сурово:
 Онъ торжествуетъ иль скорбитъ,
 Къ мечтамъ любимымъ онъ несется,
 Людей, дѣла свои слѣдить,

Надъ ними плачетъ иль смѣется....
 О ночь! открой передо мной,
 Что кроется въ душѣ людской,
 И въ жизни — этой скучной сказкѣ;
 Веди скорѣй меня къ развязкѣ....
 Тебя подъ маской не любя,
 Я вѣрно бы любилъ тебя,
 О родъ людской! безъ этой маски.

III.

Введи меня, о ночь, тайкомъ
 Теперь тихонько въ этотъ домъ —
 Къ очаровательной сосѣдкѣ.
 Введи невидимо: она,
 О, знаю я, теперь одна,
 Какъ птичка, запертая въ клѣткѣ.
 Тамъ видѣнъ свѣтъ; передъ окномъ
 Опущенъ занавѣсъ кисейной,
 И профиль движется на немъ,
 Какъ-будто въ полѣ золотомъ;
 Къ рукѣ склонилася лилейной
 Она задумчивымъ челомъ....
 О ночь, войдемъ туда, войдемъ!...

Вотъ полночь стукнуло. Она
Разстроена, утомлена
Визитомъ тетушки тяжелымъ,
Бесѣдой важной о чепцахъ,
И о Парижѣ, о долгахъ,
О крѣпостныхъ ея актерахъ,
О новыхъ свадьбахъ, старыхъ спорахъ,
Новѣйшихъ сплетняхъ. Въ сотый разъ
Она прослушала рассказъ,
Какъ тетушка вдовой осталась,
Въ какомъ бѣльѣ похороненъ
Покойникъ былъ; что послѣ случилось,
И на кого оставилъ онъ
Подругу вѣрную; что ѣли
Въ день знаменитыхъ похоронъ,
Кто что сказалъ, какъ всѣ сидѣли....
Всей повѣсти плаксивый тонъ
И видъ участя и печали
Елену Дмитревну терзали,
Покуда съ тетушкой пустой
Вся дрянъ не схлынула долой.
Дверь заперта.... Елена слышитъ,
Какъ снѣгъ взвизжалъ подъ подрѣзой;

Она одна и легче дышетъ,
 Головку на руку склонивъ,
 И очи долу опустивъ....
 И тихо дума осѣняетъ
 Ее святымъ своимъ крыломъ,
 И кроткимъ, сладостнымъ огнемъ
 Въ очахъ лазуревыхъ сіяетъ.
 Уста недвижны. По груди
 Кудрей вздымаются струи....
 Тяжелый вздохъ.... она страдаетъ....
 Блаженъ, кто бъ могъ въ сей тихій часъ
 Ея души подслушать шопоть,
 Природы голось, сердца ропоть,
 И угадать ее хоть разъ:
 И кто она? что въ ней скрывалось?
 Какая сила, глубина
 Ея души, и что съ ней стало,
 И чѣмъ бы быть могла она?

VI.

Все тихо вокругъ. Горить лампада,
 И свѣтъ, мерцающій, отраженъ
 На ризахъ золотыхъ иконъ.
 Она и рада и не рада!

Порой такъ страшно быть одной —
 Одной съ больной своей душой,
 Одной съ освобожденнымъ чувствомъ,
 Одной съ нескованнымъ умомъ
 Ни свѣта золотымъ ярмомъ,
 Ни лицемерія искусствомъ....
 Вдругъ — сердце, умъ заговорять,
 И ихъ теперь не заглушать
 Ни тяжесть легкихъ разговоровъ,
 Ни эта куча разныхъ вздоровъ,
 Что хладной, пестрою толпой
 Зовется милой болтовней.
 Уединенье и свобода —
 О, это страшныя слова!
 Вдругъ подавленная природа
 Предъявить грозныя права....
 Такъ надъ молчавшими степями
 Торжественно ударить громъ;
 Такъ рогъ звучить въ бору густомъ,
 Древа шелхнутся вѣтвями,
 Какъ бы въ испугъ задрожать,
 И шумно съ гнѣздъ своихъ слетять,
 Кружася, враны надъ соснами.
 Такъ грозенъ посреди утѣхъ
 Пророка голосъ вдохновенный,

Или сатиры оскорбленной
 Сквозь слезы вырвавшийся смѣхъ.

VII.

Понятно, отчего злодѣю
 Остаться страшно одному
 Съ жестокой совѣстью своею:
 Неумолимая ему
 Все ту жь рассказываетъ сказку;
 Предъ нею онъ не можетъ маску
 На ликъ блѣднѣющій надѣть,
 Ни кровь съ руки своей стереть;
 Предъ нимъ ограбленной вдовицы
 И старика безсильный плачь,
 И своды влажные темницы,
 И цѣпь, и плаха, и палачъ....
 Едва ль сноснѣй уединенье
 Тому, кто, легкою душой
 Сроднившись съ жизнью пустой,
 Упрямо гонитъ размышленье.
 Онъ какъ изгнанникъ: вокругъ него
 Роднаго нѣту ничего —
 Ни плохо спѣтаго романа,
 Ни грома вальса на балахъ,

Ни стука рюмокъ на пирахъ,
 Ни даже толковъ преферанса —
 Всей пошлости, чѣмъ свѣтскій кругъ
 Делѣтъ праздный свой досугъ.

VIII.

Елена Дмитревна была
 Созданье рѣдкое. Росла
 Она у бабушки — тщеславной,
 Властолюбивой, своенравной.
 Покойникъ дѣдъ (онъ былъ убитъ)
 Былъ знатень, жилъ какъ сибаритъ,
 Время потемкинскихъ остатокъ,
 Когда на лѣстницѣ честей
 Такъ мало было ступеней:
 Богать, въ долгахъ, не чуждый взятокъ.
 За то, по смерти, за долги
 Въ казну отобрано имѣнье....
 Но какъ съ вельможеской ноги,
 Отъ блеска, лести упоенья,
 Вдругъ жизнь свою переначать?
 Передъ другими что сказать?
 Что скажутъ службы исполины?
 Какъ отзовется тотъ пигмей,
 Что мы громадностью своей

Загнали въ грязь?... Считать аршины,
 Не зная счета сажениамъ?...
 Прочь изъ столицы въ глушь.... Но тамъ,
 Какъ при дворѣ Екатерины,
 Среди стариннаго села,
 Вдова съ величіемъ жила.
 Во дворнѣ барской содержался,
 Какъ прежде, цѣлый полкъ людей,
 Остаткомъ золотыхъ ливрей,
 Уже въ лохмотьяхъ, одѣвался.
 Ей душу сладко волноваль,
 На мѣсто выпренихъ похваль
 Въ стихахъ придворнаго поэта,
 Теперь армейскій комплиментъ;
 Искали всѣ ея совѣта
 По части модъ, чепцовъ и лентъ....
 Законъ родства и хвалъ награда
 И покровительства отрада
 Закономъ дѣлъ ея была:
 Она въ свой домъ на воспитанье
 Ребенкомъ внучку приняла.

IX.

.
 И рано тамъ училась Лёля

Приличья свѣта выносить ;
 Но долго не могла неволя
 Ее вполне поработить :
 Что съ юныхъ лѣтъ она любила,
 Она все въ дѣтствѣ схоронила —
 Отца и мать, и двухъ сестеръ ;
 Она привыкла такъ къ утратамъ,
 Что въ домѣ бабушки богатомъ
 Ничто ея не льстило взоръ.
 Въ толпѣ гостей, при вѣчномъ шумѣ,
 Она привыкла къ тихой думѣ ;
 Любила мирный видъ полей,
 Гдѣ рѣчка вьется свѣтлой змѣйкой,
 И сумракъ липовыхъ аллей,
 Фонтанъ и сводъ густыхъ вѣтвей
 Въ саду, надъ старою скамейкой.
 Такъ зрѣла мысль ея въ тиши,
 И каждое ея движенье
 Бывало полно выраженья
 Ея чувствительной души ;
 Въ улыбка устъ такъ много было
 И прелести и грусти милой ;
 Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
 Подъ ихъ рѣспицею пушистой,
 Такъ много блеску, что сейчасъ

Вослѣдъ за радостію чистой,
 Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.
 Но грусть души молодой и гибкой
 Была не бурная гроза,
 А солнца тихая улыбка
 Глубокой осенью.... Такъ плющъ,
 Какъ онъ ни зеленъ, ни цвѣтушъ,
 Всегда напомнить намъ руины;
 Такъ кипарисъ, дитя могилъ,
 Какъ будто вѣчно сохранилъ
 Отгѣнокъ грустной той долины,
 Гдѣ прахъ онъ стережетъ пустынный.
 Не такъ же ли душа у насъ,
 О смерти въ думу погрузаясь,
 Приемлетъ скорби отпечатокъ,
 Передаетъ его устамъ,
 Движеньямъ, голосу, очамъ?...

X.

Елену бабушка любила....
 Но время: внучкѣ надо было
 Пристроиться — таковъ уставъ!
 Женихъ явился. Хладнокровно
 Она, родни совѣтамъ внявъ,

Имъ покорилась безусловно....
 Что значить въ жизни этотъ шагъ,
 Она почти не понимала:
 Во всѣхъ обрядахъ и словахъ
 Ее лишь новость занимала....
 И только разъ, идя къ вѣнцу,
 Она заплакала; къ лицу
 Тогда нашли ей эти слезы:
 Безъ росъ алмазныхъ что за розы!
 Я не хочу изображать
 Елены мужа злымъ, *тираномъ*,
 Развратнымъ, низкимъ, вѣчно-пьянымъ,
 И негодяемъ описать....
 Но это бракъ былъ неудачной.
 Иванъ Ильичъ хорошъ, уменъ,
 Съ достаткомъ, честенъ, только онъ
 Былъ не рожденъ для жизни брачной.
 Любить онъ могъ, но не всегда:
 Въ немъ страсти разомъ возникали,
 Достигши цѣли, остывали,
 Чтобъ вспыхнуть вновь, — и никогда
 Не оставались безъ труда.

XI.

А женщина?... увы! Елена
 Въ деревнѣ, посреди полей,
 Приготовлялась жить. Предъ ней
 Едва открылася арена —
 И упоеній бытія
 Была жадна душа ея....
 Кумирь дѣвическихъ мечтаній,
 Едва проснувшихся желаній,
 Такъ полныхъ нѣги и стыда —
 Любовь и миръ мечты отрадной
 Внезапно замѣнилъ тогда
 Цинизмъ дѣйствительности, холодной.
 И этотъ быстрый переходъ,
 И этотъ новый рядъ заботъ
 Опомниться ей не давали,
 Ее всечасно поражали....
 Потому душа любви опять —
 Любви возвышенной просила,
 Чтобъ въ ней блаженствовать, страдать....
 Порой на умъ ей приходило:
 О, Боже мой! зачѣмъ она
 Принадлежать тому должна,

Кто міръ, ей созданный мечтою,
 Не можетъ наполнять собою?
 Хоть-бы забыться!... Какъ потокъ,
 Шумящій свѣтъ ее увлекъ.
 Онъ былъ своимъ мишурнымъ блескомъ
 Очарователемъ для глазъ:
 Снопомъ лучей и громкимъ трескомъ
 Ракета поражаетъ насъ....

XII.

Давно, какъ робкій голубь, дума,
 Подруга Лѣли съ юныхъ дней,
 Теперь, среди толпы и шума,
 Давно не прилетала къ ней....
 Но вотъ одна она осталась;
 Мужъ началъ ѣздить чаще въ клубъ;
 Ей было грустно, и казалось,
 Что свѣтъ сталъ холоденъ и глушь;
 И онъ явился передъ нею
 Теперь съ питомицей своею —
 Тяжелой тетушкой.... она
 Какъ бы прозрѣла и очнулась.
 Сознанье горькое проснулось....

XIII.

«О, Боже мой! не рождена
Для этой жизни я печальной!
На то ли молодость дана,
Чтобъ каждый могъ насъ такъ пахально
Свою пошлостью терзать,
Свои навязывать несчастья,
При насъ и плакать и вздыхать,
Себѣ вымалывать участь!
И безъ того ужъ жизнь скучна,
И такъ своихъ страданій много!
И каждый въ жизни шагъ сполна
Стѣсненъ враждою свѣта строгой!
О, нестерпимо выполнять
Всегда законъ его тяжелой!
Души движенія скрывать,
Сквозь слезъ расчитанно-веселой,
Довольной, важной, ледяной
Всегда казаться предъ толпой;
И восхищаться по заказу,
И по заказу порицать,
Души не высказать ни разу —
И это жизнью называть.

XIV.

«Иль жизнь одинъ обманъ унылый?
 Того ль ждала я отъ нея,
 Когда на милыя могилы
 Печально приходила я?
 Надъ прахомъ сосны смоляныя,
 Въ осокѣ розы молодыя,
 Кругомъ звучащей тихо долъ
 Жужжаньемъ травъ, жужжаньемъ пчелъ —
 Меня туда все привлекало....
 Я тихо плакала сначала;
 Уснуть хотѣлось вѣчнымъ сномъ
 Близъ праха милаго.... Потомъ —
 Мнѣ было страшно то желанье,
 И билось сердце у меня
 Такъ горячо! Душа моя
 Просила благъ существованья;
 Казалось мнѣ, есть впереди
 Еще блаженство.... Что-то крылось
 Въ моей душѣ, и изъ груди
 На волю, на просторъ просилось....
 Тамъ научалась я въ судьбѣ
 Любовь и благо только видѣть,

И что любить, что ненавидѣть —
Я создала сама себѣ!!..»

.

XV.

. Есть въ насъ
Добра великое начало,
Есть тайный, неподкупный гласъ,
Незаглушимый ложнымъ клиромъ —
Родство съ природою и міромъ....
Прочь, прочь, холодный ретористъ,
Съ своею мудростію важной
И добродѣтелью продажной,
Самоубійца и софистъ!
Я добръ — по разуму свободы,
Не страхомъ ада твоего!
Прочь! человѣческой природы
Ты оскорбляешь божество!
Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я —
Я сынъ земли, я царь ея!
Не откоснуться мнѣ устами
Отъ груди матери моей;

Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней:
 Она моими зреть очами,
 Мною веселится и скорбитъ,
 Моими высока мечтами,
 И мною мыслить и творить.
 Природы творческое дѣло
 Свершаться дивно будетъ вѣкъ, —
 Покуда съ горняго предѣла
 Сіяеть солнца лучъ, и смѣло
 Творить и мыслить человѣкъ.

XVI.

Какъ прахъ отъ ногъ, какъ пыль съ одежды,
 Прочь заблужденія невѣжды!
 И что жъ, о мудрый педагогъ,
 Что даровалъ намъ твой урокъ?
 Запорошилъ лишь пылью вѣжды —
 Мы недовѣрчивы къ себѣ;
 Въ насъ умъ съ самимъ собой въ борьбѣ,
 То дерзокъ, то дрожитъ какъ школьникъ,
 И сердце просить бурь страстей,
 И быть не можетъ безъ цѣпей,
 Какъ къ нимъ привыкнувшій невольникъ.

.

XVII.

А ты, когда-то жизни жадный,
 Разочарованный и хладный
 Теперь и къ міру и къ мечтамъ,
 Пѣвецъ, въ плаксивомъ завываньѣ
 Про *гордоe* свое страданье
 Благовѣствующій вѣкамъ,
 Теперь понятенъ ты немногимъ,
 Когда кричишь на площади
 Всѣмъ тварямъ мыслящимъ, двуногимъ,
 Что пустота въ твоей груди:
 «Придите, можете увидѣть,
 «Какъ я умѣлъ любить, страдать,
 «Терзаться, плакать, изнывать,
 «Боготворить и ненавидѣть!
 «Я ей сулилъ къ ея стопамъ
 «Повергнуть золотыя горы;
 «А что жъ она!»... Неправъ ты самъ!
 Внявъ площаднымъ твоимъ рѣчамъ,
 Тебѣ презрительные взоры
 Во гнѣвъъ кинетъ красота.
 Чтo ей напыщенные дани
 Фиглярства, визга и кривляній

Простонароднаго шута?
 Повѣрь, давно отбилась вѣра
 Къ страданьямъ, къ клятвамъ лицемѣра;
 Давно толпа, внимая имъ,
 Тебѣ изъ шумнаго партера
 Швырнула бѣ яблокомъ гнилымъ....
 Въѣкъ люди пьютъ изъ той же чаши,
 И, какъ предшественники наши,
 Мы жадны рушить, созидать,
 Вновь ошибаться и страдать!
 Есть прелесть въ бурномъ бѣгѣ тучи,
 Съ другою встрѣчѣ неминучей,
 Въ разрывѣ ихъ и въ ихъ слезахъ,
 Поящихъ влагой дольний прахъ;
 И въ жизни прелесть та жъ разлита,
 И та жъ краса и сила скрыта
 Въ борьбѣ людей и въ ихъ слезахъ,
 Залогъ новыхъ золъ и благъ.

1845.

БА Р Ы Ш Н Ъ .

Васъ, ангелъ, рѣющій въ гостинныхъ,
Краса и диво нашихъ залъ,
Васъ, примадонна игръ невинныхъ,
Нашъ лучезарный идеалъ,
Дерзаю робкими струнами
Я славить.... Сердцемъ и душой
Благоговѣю передъ вами....
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: вашъ станъ такъ строенъ,
Такъ очи свѣтлы, взоръ спокоенъ....
Такъ широко изъ подъ кольца
На грудь, на плечи восковыя
Упали локоны густые....
Дивлюсь могуществу Творца

И вашей маменьки искусству:
 Такъ много вашимъ красотамъ
 Движеньямъ, взглядамъ и словамъ
 Придать и граціи и чувства!
 Она взростила васъ въ тиши,
 Храня отъ страшныхъ бурь души,
 Вамъ умъ и волю замѣняя,
 За васъ прочувствовать желая
 Все, чѣмъ насъ губить жизнь, томить,
 Хотя мгновенно веселить....
 Такъ цвѣтъ изнѣженной лилеи
 Хранять въ теплѣ оранжерей.
 Его морозъ не прошибалъ
 И бурный вѣтеръ не сгибалъ,
 Хотя не пилъ головкой жадной
 Онъ утра свѣжести прохладной,
 Не красовался онъ, блестя
 Весь въ капляхъ вешняго дождя,
 Сквозь солнце, впрыснувшяго поле....
 Вы, пѣжась въ сладостной неволѣ,
 Лелѣя тихо свой покой
 И жизни крайностей не зная,
 Взросли, питая умъ мечтой,
 И жизнь себѣ изобрѣтая....
 И эта жизнь — въ шумный пиръ —

Особый, свѣтлый, чудный міръ:
 Какъ въ фантастическомъ балетѣ,
 Изъ-за прозрачной кисеи,
 Встаютъ предъ вами въ тихомъ свѣтѣ
 Картины счастья и любви;
 Среди волшебныхъ декораций,
 Среди группъ эирныхъ нимфъ и грацій,
 Надъ урной спящихъ стариковъ,
 Подъ сѣнью лотосныхъ листовъ,
 Огромныхъ раковинъ, кристаловъ
 И фантастическимъ коралловъ,
 Ковромъ душистой муравы
 Чудесно странствуете вы....
 Но не одинъ: крылатый геній
 Ведетъ васъ.... тамъ сіяетъ храмъ....
 И тихо мраморныхъ ступеней
 Уже коснулись вы.... и тамъ
 Священный жертвенникъ съ цвѣтами
 Передъ богинею возжёнъ....
 Кто жъ этотъ геній?... Точно онъ!
 Его я видѣлъ.... Да, онъ съ вами
 Вчера мазурку танцевалъ,
 Разочарованнымъ казался,
 Такъ усъ крутилъ, такъ зло смѣялся,
 Такъ всю васъ взоромъ пожиралъ,

Такъ крѣпко шпорами стучалъ....
 Его я знаю; съ уваженьемъ
 Всегда внимаю я сужденьямъ
 Его о винахъ и коняхъ....
 Счастливецъ! онъ одинъ видѣнемъ
 Мелькаетъ въ вашихъ легкихъ снахъ....
 Понятно мнѣ, зачѣмъ блѣднѣли,
 Краснѣли вы предъ нимъ; зачѣмъ
 Вчера съ такимъ вы чувствомъ пѣли:
 Si tu savais, combien je t'aime!
 Но, Боже мой!... вотъ туча всходитъ,
 Я вижу, меркнетъ небосклонъ,
 Видѣнье милое проходить,
 Какъ мимолетный ле кій сонъ....
 Я вижу....

Тихо въ вашей спальнѣ
 Проснулись утромъ вы, лежать
 Вкругъ васъ цвѣты, уборъ вашъ бальный,
 Вѣнокъ, браслетъ, и вашъ нарядъ
 Разбросанъ въ миломъ безпорядкѣ;
 Ужь вы проснулись, но поднять
 Глаза не хочется, вамъ сладко
 Ночныя грезы продолжать,
 Къ груди подушку прижимая,

Богъ знаетъ что воображая,
 Уста сжимать и разжимать....
 Внезапнымъ маменьки приходомъ
 Все прервано : цалуя васъ,
 Съ васъ не спуская зоркихъ глазъ,
 Она васъ спроситъ мимоходомъ :
 «Какъ нравится тебѣ NN?»—
 Вы отвѣчаете наивно :
 — Онъ въ парикъ и препротивный ! —
 «Умень....» — Мамаша ! старый хрѣнь ! —
 «И добръ....» — И пахнетъ такъ духами ! —
 «Богатъ и милъ....» — Богатство... вздоръ ! —
 «Не старъ и ужъ богатъ чинами....» —
 Короче : этотъ разговоръ
 Такое кончитъ заключенье,
 Что бракъ по страсти — заблужденье,
 Что страсть пройдетъ, какъ метеоръ....
 И правда!... Вамъ потомъ одѣтой
 Велятъ къ обѣду быть; женихъ
 Вамъ привезетъ уже браслеты.
 Предъ нимъ, блѣднѣя каждый мигъ,
 Ему вы будете собираться
 Сказать, во всемъ ему признаться;
 Но не достанетъ силы въ васъ
 Ему изречь простой отказъ....

И вы поплачете немного
 Дня через три пройдетъ печаль;
 Всѣ скажутъ хоромъ : «слава Богу!»
 Никто про васъ не скажетъ: «жаль!»
 Вамъ осѣнять вѣнкомъ цвѣтущимъ
 Изъ бѣлыхъ розъ, обвитыхъ плющемъ,
 Широкой узель чорныхъ косъ;
 Всѣ ахнутъ: «какъ она прекрасна!»
 И не замѣтятъ робкихъ слезъ —
 Слезъ Ифигеніи несчастной
 Передъ Калкасовымъ ножомъ....
 Но это мигъ одинъ.... Потомъ
 И вы привыкнете къ супругу,
 Какъ въ дѣтствѣ къ нянюшкѣ своей,
 Къ его значенью, чину, кругу
 Тяжелыхъ, будничныхъ идей;
 Принявъ восточную небрежность,
 Вы дѣвокъ станете ругать
 И мужу каждый разъ являть
 Въ очахъ особенную нѣжность,
 Когда онъ въ службѣ отличенъ,
 Иль высшихъ ласкою почтенъ;
 Онъ на звѣзду свою укажетъ,
 Прочтеъ патентъ и нѣжно скажетъ:
 «Все для тебя я» — и солжетъ.

Въ кругу хозяйственныхъ заботъ ,
За самоваромъ иль въ гостинной,
Плѣняя милой болтовней,
Смѣясь шуточкѣ невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вѣчно будете казаться
(Что свѣтъ про васъ ни говори)
Создаемъ розовой зари
И легкокрылаго зефира,
И выше праха, выше міра!
Что міръ вамъ? грязная нужда,
И нищета въ лохмотьяхъ бѣдныхъ,
Толпа страдальцевъ, грубыхъ, блѣдныхъ,
Съ безумнымъ взоромъ, безъ стыда,
Съ клеймомъ насильнаго разврата,
Съ клеймомъ проклятья отъ собрата,
Чужда вамъ будетъ и чужда,
И отвратительно - страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «то ихъ вина....
Зачѣмъ они не соблюдали
Долгъ добродѣтели святой?»
Съ какою гордостью прямой
Себя бы съ ними вы сравнили —
Хотя безъ нужды, безъ борьбы,

Быть добродѣтельной купили
 Вы златомъ право у судьбы....
 За то другія твари міра
 Въ васъ состраданіе найдутъ
 И даже слезы извлекутъ :
 И въ клѣткѣ птичка, дочь ээира,
 И заяцъ жареный.... Увы !
 Невольно вспомните тутъ вы,
 Что онъ тотъ самый, что пугливо
 Дорогу вамъ перебѣгалъ,
 Пугалъ васъ въ рошѣ, торопливо
 Скакнувъ изъ листьевъ, и нырять
 Въ златистомъ морѣ пышной нивы.
 И что жъ ! сгубилъ его тиранъ,
 Убійца тварей беззаботныхъ....
 Такъ вы въ страданіяхъ животныхъ
 Прочтете истинный романъ.
 Тѣмъ въ жизни, полной тихой лѣни,
 Въ васъ успокоится на мигъ
 Потребность сильныхъ ощущеній,
 Источникъ болѣй головныхъ.

Но тутъ не все. Неся условия,
 Оковы средняго сословья,
 Вы не сроднитесь съ нимъ душой :

Читать вы будете порой
 Романы изъ большого свѣта,
 И на себѣ ихъ примѣрять,
 И въ новыхъ формахъ этикета
 Его свободу примѣнять....
 Средь жизни мирной, жизни чинной,
 Благопристойной и невинной,
 Желая душу отвести,
 Слѣдить вы будете упрямо
 Траги-нервическія драмы,
 Симпатизируя вполне
 (Къ досадѣ нѣжнаго супруга)
 Съ печальной ролью jeune premier,
 Какъ онъ, обманывая друга,
 Питаетъ страсть къ его женѣ.
 И тайна ихъ васъ всю заманить
 И ихъ успѣхомъ дорожа,
 Когда супругъ ихъ вдругъ застанетъ,
 Вы вскрикнете — за нихъ дрожа....

Потомъ, услышите случайно,
 Что ваша милая Мими
 Являлась въ маскарадѣ тайно,
 И съ незнакомыми людьми,
 Особенно съ однимъ гусаромъ,

Ходила подъ-руку и съ жаромъ
 Съ нимъ говорила; и потомъ
 Онъ втерся кое-какъ въ ихъ домъ;
 И поутру, какъ мужа нѣту,
 Съ визитомъ къ ней являться сталъ, —
 Вкругъ васъ, какъ будто по обѣту,
 Возстанетъ цѣлый трибуналъ:
 Въ величьи грозной Немезиды,
 Неотразимая, какъ громъ,
 Вы страшнымъ грянете судомъ
 За честь общественной обиды....

Но.... о, блаженны вы стократъ,
 Когда свѣтъ истины суровой
 Не потревожитъ сна тупаго,
 Которымъ чувства ваши спять;
 Когда, съ пеленъ, не знавши жизни,
 Весь вѣкъ лишь призраки лова,
 Вы въ гробъ сойдете не живя,
 Безъ слезъ, безъ горькой укоризны!
 Но.... если вы поймете вдругъ,
 Что были вы товаромъ торга,
 Что сердце, жадное восторга,
 Что потрясеній жадный духъ
 И ваши дѣвственныя ласки

Служили красною цѣной
 За мужнинъ санъ, балы, коляски
 И вашъ искусственный покой:
 Всей вашей жизни машинальность,
 Продѣлки ласки должностной,
 Приличій вѣчныхъ театральность —
 Вы вдругъ постигнете душой....
 Придутъ часы тяжелой муки,
 Вы, сжавъ уста, ломая руки,
 Воскликнете : «я не жила !
 Что Богомъ мнѣ дано на долю —
 Все — умъ, подавленную волю,
 Другимъ на жертву предала !
 За то, чтобъ свѣтской черни лепетъ
 Не очернилъ меня шутя,
 Душила въ сердцѣ страсти лепетъ,
 Какъ незаконное дитя....
 Хотя бъ узнать любви томленье !
 Хотя бъ извѣдать, хоть на мигъ,
 Страданья страстного сомнѣнья!...
 Хотя бы слышать страсти крикъ
 Хоть разъ, въ устахъ не подавленный....
 Хоть мигъ одинъ, чтобы узнать,
 Зачѣмъ страдать, за что страдать!...»

И взоръ, мгновенно оживленный,
 Вослѣдъ отчаянья сверкнетъ
 Вдругъ воли вспышкою — и вотъ
 Съ престола долга и приличья,
 Гдѣ вы сіяли безъ пути
 Въ своемъ безсмысленномъ величьи,
 Вы рады будете сойти....
 Но это мигъ.... и страшно станетъ....
 И взоръ испуганный отпрянетъ
 Какъ-бы отъ бездны подъ ногой....
 И ночь въ безплодной агоніи
 Пройдетъ опять.... и вотъ съ зарей
 Лучи разсвѣта голубые,
 Сливаясь съ вспышкой золотой
 Ночной лампы, какъ статую,
 Безъ жизни, скорбную, нѣмую,
 Сквозь оконъ озарятъ вашъ ликъ....
 Склоняся къ кресламъ головою,
 Съ упавшей на плечо косою
 Заснули вы; но сонъ вашъ дикъ
 И смутенъ, въ сердцѣ кровь вскипаетъ,
 По членамъ холодъ пробѣгаетъ....
 Открылась дверь; явился вдругъ
 Вашъ возвратившійся супругъ
 Съ официальной ассамблеи

.
 « Ахъ, душенька, ты не спала? »

И вы, открывши взоръ свой влажной,

Ему промолвите, протяжно

Зѣвая : « все тебя ждала.... »

Потомъ ?

Потомъ... какой развязки

Еще вамъ ждать отъ этой сказки?...

Потомъ, во славу небесамъ,

Войдетъ все въ путь обыкновенной :

Опять придется вѣчно вамъ

Смѣяться шуточкѣ почтенной,

Терпѣть наряднаго шута,

Карать порокъ судомъ гостиннымъ,

Когда онъ деньгами иль чиномъ

Не откупился отъ суда....

Потомъ ?

Потомъ на умъ, на чувство

Дремота ляжетъ, какъ дурманъ,

И даже нравиться искусство

Вамъ опостылить. На диванъ

Уляжетесь, поджавши ножки;

Вкругъ васъ усядутся рядкомъ,

Какъ предъ японскимъ божествомъ,
Болонки, стриксы или кошки....
Душевныхъ бурь пройдетъ и слѣдъ
И страсти ужъ на вѣкъ уймутся—
И цѣпи снова вамъ придутся,
Какъ ловко скроенный корсетъ.

1846.

О Ч Е Р Н ы й П ы л ь

НА ПУТИ.

Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой,
Съ какою завистью гляжу на домикъ твой!
Не здѣсь ли счастье? Лишь съ юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
Съ холмовъ межъ зеленью молодою утекутъ,
Твой столъ обѣденный искусно уберутъ
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоихъ игривыя затѣи,
И стадо даръ несетъ, съ полей его собравъ,
Дышашій запахомъ новорожденныхъ травъ;
И голосъ соловья въ саду звучить и блещеть,
И ласточекъ семья подъ кровлею щебещеть,
И пчелы шумною гирляндой летять
Къ цвѣтушимъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ.

**Ты любишь ближняго, и гордъ своей свободой,
Ты все нашель, чего вѣками ждуть народы...**

1843.

САНРАГНА ДІ РОМА.

Пора, пора! ужь утро славить птичка,
И свѣжестью пахнуло мнѣ въ окно.
Изъ города зоветъ меня давно
Къ полямъ широкимъ старая привычка.
Возьмемъ коней, оставимъ душный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышемъ полевымъ.

О, какъ легко! какъ грудь свободно дышетъ!
Широкій горизонтъ расширилъ душу мнѣ....
Мой конь усталъ.... мысль бродитъ въ тишинѣ.
Земля горитъ и небо зноемъ пышетъ....
Сабинскихъ горъ неровные края,

И Аппенингъ верли снѣговѣячанны ,
 Шумъ мутныхъ рѣкъ , бесплодныя поля ,
 И будто нищій съ ризою раздранной ,
 Обломокъ башни , обвитой плющомъ ,
 Разбитый храмъ съ остаткомъ снѣжныхъ сводовъ ,
 Да безконечный рядъ водопроводовъ
 Открылися въ туманѣ голубомъ....
 Величіе и ужась запусътвья....
 Угрюмаго источникъ вдохновенья.
 Все тяжело спать , все умерло почти....
 Лишь простучить на консульскомъ пути
 По гладкимъ плитамъ конь поселяннина ,
 И долго дикій всадникъ за горой
 Виднѣется въ плащѣ , и съ палкой длинной ,
 И въ шапкѣ острой.... Вотъ въ тѣни руины
 Еще монахъ усталый и босой ,
 Окутавшись широкимъ капишономъ ,
 Заснулъ , склонясь на камень головой ,
 А вдалекѣ , подъ синимъ небосклономъ ,
 На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей ,
 И кипарисъ чернѣется надъ ней....

Измученный полудня жаромъ знойнымъ ,
 Вошелъ я внутрь руинъ , безвѣстныхъ мнѣ .
 Я былъ объять величьемъ ихъ спокойнымъ .

Гладѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
 Такъ сладостно!.....
 То циркъ былъ нѣкогда: теперь онъ опустѣлъ,
 Полюнь и тернъ усѣлись на ступени,
 Тамъ, гдѣ народъ восторженный ревѣлъ,
 Близъ ложи цезарей еще лежали
 Куски статуй, курильницъ и амфоръ:
 Какъ будто бы они здѣсь возсѣдали
 Еще вчера, увеселяя взоръ
 Ристаниемъ.... но по аренѣ длинной
 Цвѣтистый макъ пестрѣлъ между травой,
 И тростникомъ, и розой полевой;
 Лишь вѣтръ по ней ристалъ, какъ конь пустынной.
 Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
 Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
 Съ чернокудрявой, смуглой головой,
 Тамъ мальчикъ пасъ овецъ пугливыхъ стадо.
 Трагически, ко мнѣ онъ руку протянулъ,
 «Я голоденъ» — со злобою зывая.
 —«Я голоденъ!».... невольно я вздохнулъ,
 И нишаго, и циркъ обозрѣвая,
 Промолвилъ: «вотъ она — Италія святая!»

1844.

*

* * *

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!

Подъ такимъ небомъ невольнo художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.

Ну вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль завѣса;

Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.

Къ фонтану альбанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ тѣни
Покрова сіяютъ у ней! что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!)

Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
 Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
 Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой
 Вечернимъ лучомъ головѣ.... Художникъ (должно быть, гер-
 манецъ)

Спѣшить срисовать ихъ, довольный, что случай неж-
 жданно
 Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не
 мысля,

Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
 И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣщую рожу Три-
 тона,

Альбанокъ и даже — его самого съ его кистью!

1844.

AMOROSO.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душитъ запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озарить,
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланить.

Выглянь! глазками легонько,
Или пальчикомъ грозя,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай миѣ знать, краса моя!

О, какъ много бѣ при свиданьѣ
 Я хотѣлъ тебѣ сказать;
 Слышать вновь твое признанье
 И ревнивца поругать!...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки....
 И гитары тихій звонъ....
 Усыплай его, баюкай....
 Тише.... что?.. заснулъ ужь онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
 Промелькнула предъ окномъ;
 Слышу, съ лѣстницы проворно
 Застучала башмачкомъ....

1845.

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ВАТИКАНСКАГО МУЗЕЯ.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенить стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышашій, сіяетъ предо мной....
Я видѣлъ ихъ: въ землѣ открыты антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Мнѣическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грознаго властителей священныхъ,
Весталокъ дѣвственныхъ, Вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками....

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.

Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
 Увитыми кругомъ сребристыми листьями,
 Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
 И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
 Антики пыльные живыми мигъ казались,
 Какъ будто бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались....
 Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
 Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
 Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
 И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
 Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
 Въ пластической красѣ мнѣическихъ преданій....

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
 Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
 И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
 Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
 Средь статуй я стоялъ.... Мнѣ было дико, странно :
 Какъ будто музыкъ безвѣстной я внималъ,
 Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
 Курился мурры дымъ и нардъ благоуханный,
 И нѣкто дивный былъ и тяготѣлъ надъ мной....
 Съ душой, подавленной восторженной тоской,
 Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
 Какъ Скиѣы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,

Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предь благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи....

1845.

* * *

На дальномъ Сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду;
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,
И олеандръ блестяль цвѣтами;
Густаго мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли,
Какъ будто плавали вдали,
И акведуки и руины....
При этомъ солнцѣ огнемомъ,
При шумѣ воднаго паденья,

Ты мнѣ сказала въ упоеньѣ:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ»....

18 4.

И ИЩІЙ.

Джузеппе старъ и дряхль; на площадяхъ лежитъ
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молить помощи онъ именемъ Мадоны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласить,
Два дома выстроилъ, и третій кончить скоро,
Женилъ двухъ сыновей, и внучекъ любить страхъ.
На пышной лѣстницѣ стариннаго собора,
Лѣнливо развалясь на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
На солнцѣ (видѣлъ я) онъ спалъ. Въ его ногахъ,
Съ открытой шею, палимой лѣтнимъ жаромъ,
Съ всклокоченной, какъ смоль, кудрявой головой,
Сидѣла дѣвочка.... едва рубашкой грубой
Прикрытая. Въ очахъ огонь; какъ перлы зубы;

Уста какъ алый макъ.... Лучъ солнца позлащалъ
Ланиты блѣдныя, худыя ноги, руки....
Въ величїи нужды, отчаянья и муки,
Старикъ приподнялся и горько простоналъ:
«Я три дня голодалъ».... Рѣсницы опустила
Стыдливо дѣвочка, съ улыбкой грустно-милой;
Въ очахъ блистали стыдъ и робость и тоска,
И, спрятавъ голову въ лохмотьяхъ старика,
Казалось, что-то намъ сказать она хотѣла,
Какъ роза вспыхнула.... но говорить не смѣла.

1844.

КАПУЦИНЪ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ раболѣпною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ жарко слезы лилъ, полнъ рвенія святого,
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятыя и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой,
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.

Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчикъ, ростовщикъ;
Тамъ, блѣдень, слезы лиль разбойникъ закоснѣлой;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
О чемъ ты плачешь? Иль тебя бѣды неожиданной
Томитъ предчувствіе? Иль, съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой напугалъ теперь раскрытый свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройти чрезъ тотъ же путь, и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

1844.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пешо, выпьемъ!... Видишь, буря
Разъигралася въ горахъ!
Въ блескъ молній, очи жмуря,
Кони бѣсятся впотьмахъ.

Что колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?
Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боюсь суда людскаго,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь....

Вѣдь таковъ и левъ свирѣпой;
Былъ Андроклъ.... слыхалъ ли ты?...
Нѣтъ? Такъ вышьемъ лучше, Пеппо,
Безъ ученой пустоты!

1844.

ФОРТУНАТА.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Что тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятя?
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?

Я любви не число и не мѣрю;
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смѣюсь, клянусь и вѣрю....
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!...

Вѣрь въ любви, что счастью не умчатся,
Вѣрь, какъ я, о гордый человекъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя вѣкъ....

1845.

НИИФА ЭГЕРІА.

Fecèm i la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ златаго дня,
И ночи тишь — все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ, на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый иль смиренной.

Онъ иногда довольствомъ свѣтель былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокий.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекий

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

«Уже ль вѣкамъ пишу законъ громовой?
Чтобъ межъ людей добро укоренять,
Уже ль нужна лишь плаха да оковы?...»

Вздыхала я, упорствуя молчать.

Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ и писалъ опять.

1844.

1371.
1370
2381

ТИВОЛИ.

Боже! какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины:
На этотъ городъ, прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ античныхъ,
Маленькій храмикъ Цибеллы, алтарь и статуя....
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!...
Больно; сжимается сердце и мысль.... Но грустиѣ
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, — и ничто въ этой бѣдной природѣ

Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ эти
 Виллы обломки: «здѣсь нѣкогда, съ чашей Фалерна,
 Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
 Туллій отыскивалъ тайны законовъ созданья»;
 Розы лепечуть: «вѣнчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
 Сладко поющихъ Милета и Делоса дочерей,
 Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла»;
 Воды: «подъ наше паденье, подъ музыку нашу
 Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Гораций»;
 Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
 «Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
 Жрецъ многодумный таинственно въ лунныя ночи
 Слушалъ глаголы богини, и послѣ вѣщалъ ихъ
 Робкой толпѣ со ступеней Цибеллина храма...
 Въ нѣдрахъ горы, между тѣмъ, собирались какъ тѣни
 Ратники новыя вѣры, и рабъ и патрицій;
 Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
 Будто Везувій во мракѣ клопочущій лавой,
 И выходили потомъ съ вдохновеньемъ суровымъ
 Въ мѣръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья....»

1844.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
 На скалѣ я прожилъ,
Выше тучъ, тумановъ,
 И громовъ и молній.

Изгнанный изъ міра,
 Въ гнѣвѣ міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
 Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
 Облака разгонитъ,
Города въ долинѣ
 Заблестятъ какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ:
 Въ двадцать лѣтъ, быть можетъ,
 Все давно свершилось,
 Изъ чего я бился:

Бѣдный свергъ оковы;
 Сильны и прекрасны,
 Разумомъ и волей
 Племена земныя...

Снова къ нимъ пошелъ бы....
 Ну, а если въ людяхъ
 Самыя преданья
 О добрѣ исчезли?

И мои имъ рѣчи
 Будутъ непонятны,
 И они отъ старца
 Отойдутъ со смѣхомъ?

1845.

* * *

— «Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?»

— Она была прекрасна....

— «Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ или братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все расскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньѣ никогда,
Съ твоими горячо ль сливались устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда бь застали васъ,

Достало ли бѣ въ ней силъ, открыто, не страшась,
 Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
 Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
 Глядѣла ли бѣ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
 Гордилась ли бѣ она любви своей позоромъ?...
 Ты улыбаешься.... ты думаешь о ней....
 О, хороша она.... и образъ невинной
 Я вырвать не могу изъ памяти твоей!...»

— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно
 Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
 Ни я любви своей мы высказать не смѣли.
 Она была со мной какъ будто холодна;
 Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
 Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
 Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
 Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
 Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
 Угадывалъ мы душою смыслъ иной
 И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
 И только разъ уста мои ея руки
 Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
 Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
 Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски....
 Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады,

Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо....

— «И вы разстались?»

— Разстались. Я сказать

Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;

Но тутъ вошли — должны мы были замолчать....

— «Любить! Молчать!!.. И вы любили?!.. Боже,
Боже!...»

1844.

ХУДОЖНИКЪ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый какъ родина наша.... И Лора горюетъ,
Тщетно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотреть
Въ очи тебѣ и порой ловить бредъ твой сквозь-сонный.
Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рялятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносишь въ сердцѣ тяжелую думу.

FIORINA.

«Смуглянка милая, я изъ страны далекой,
И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одипокой,
И все то чудно мнѣ.... Скажи, ты рождена
Въ долину здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?»

— Не знаю, мы сюда за земляницей ходимъ,
А на зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрять. Кардиналь
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягоду подала ему; онъ взялъ немного,
Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ....

На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

1815.

ДВОЙНИКЪ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто.... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучшей вѣнокъ приготовилъ изъ леплѣй душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху.... Что жъ дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный прибо-
ровъ...

А гдѣ же друзья? гдѣ она?... отчего не явилась?... Быть
можетъ....

Вѣдь женское сердце и женская клятва что вѣтеръ....

Эхъ, сяду за кубокъ одинъ я.... Одинъ ли?... А онъ, не
отступный,

Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,

Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь....

Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ
сердца,

Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью

Софистъ неотступный, оставь меня! Что тебѣ пользы,

Хирургъ безошадный, какъ трупъ рѣзать теплую душу?...

LORENZO.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на брови падвину,
Плащъ широкій перекину
Черезъ плечо.... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббать,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ на встрѣчу полетять.

Я высокъ, красивъ и ловокъ....
Рѣчь — серебряная нить;
Знаю тайну всѣхъ уловокъ
Сердце женщины дразнить.

Въ будуарь благоуханный
 Въ ночь прокрадусь я тайкомъ....
 Потоскуеть сердце Нанны,
 Знаю... я да что жъ мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ.... что жъ за дѣло?
 Молотокъ возьму я свой,
 Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
 У скульптора въ мастерской.

А наскучить — повалюся
 Я на паперти церквей,
 И калѣжкой притворюся....
 Долго ль обмануть людей?

Стыдно что ль? Пусть мнѣ пеняютъ,
 Что казны не клалъ подъ спудъ!...
 А маркизы?... Не узнаютъ!
 А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что мнѣ въ нихъ? всегда отъ Нанны,
 Будь въ чести ль, въ лохмотьѣ ль я,
 Я услышу: «другъ желанный,
 Гость мой милый, я твоя!»

1845.

*
* * *

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ, подъ землей,
Въ гробницахъ, въ циркахъ!... Ну, пусть трудъ сверша-
ютъ свой

Сопутники мои — этрускій антикварій,
И нѣмецъ — кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общеою въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна....
И жаръ невыносимъ! вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шумя плющомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли....

И вижу, капшонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленья видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

1845.

ГАЗЕТА.

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера — поприща жизни разумной....
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поко-
лѣнья:

Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады, и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима
Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ до-
летаютъ;

Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молнія стрѣлы
Тучи чертятъ и вдругъ заревомъ рдянымъ лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ, и разго-
нять

Въ страхѣ людей, какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ....

Такъ бы хотѣлось туда! тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!... Поник-

нешь въ раздумьѣ

Вдругъ головой; выпадаетъ изъ рукъ роковая газета....

Но какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной
драмы,

Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улисс-
совъ;

Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель — впрочемъ вели-
каго дѣла —

Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Напцѣ сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,

Губки надувъ, и нарочно не смотришь мнѣ въ очи.... Мгно-
венно

Все позабудешь, и грязь, и величье общественной драмы;
Бросишься мигомъ тебя цѣловать. Ты противишься, съ серд-
цемъ,

Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцѣлуевъ,
и послѣ

Легкой борьбы добровольно уступишь, я долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры, и брань.

1845.

* * *

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ,
И рѣчь, блестящую порывами живыми;
Слѣжу за легкими движеньями твоими:
Подынешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
Мнѣ взора не отвести отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,
Отъ обнаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ....

Блѣдишь ты?... Не слышишь ли вдали
Шаговъ завистливыхъ льдянаго подозрѣнья?
Брось ихъ! не отравляй минуты наслажденья
И праздника украденной любви!

Дверь замкнута.... Одинъ я твой властитель!...
Гирлянды, свитыя заботливо тобой,
Воспламененною я дерзко рву рукой....

Гаси огни, гаси! пускай въ твою обитель
Войдетъ глухая ночь; пусть видигъ лишь луна,
Скользя черезъ стекло высокаго окна,
Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
Цвѣты твои, запутанные мной
Въ распущенныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
Какъ воскъ прозрачныхъ плечь, отъ ризъ освобожденныхъ.

1844.

А Н Т И К И.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскали средь пепла и кампей;
Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
Трудясь съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоценные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ.... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалика
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ....
Творцы твои были, быть можетъ, честивы и славны,
На площади града вѣнчанны шумлящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили какъ лучшіе гости....
Нль, можетъ быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и можетъ быть поздно

Узнали ихъ геній... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой оніамъ воскурень имъ далекимъ потомствомъ,
Неживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго Бога....

1844.

ИГРЫ.

«Хлѣба и зрѣлищ!»

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащія рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ-тѣмъ ревѣлъ, и прыгалъ барсъ игривой,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся.... Народъ рукоплескалъ....
Въ толпѣ, окутанный льняною, грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгий.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,

Какъ кроважидный тигръ добычу раздираль
 И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя дхъ кровавий.
 Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
 Воскликнулъ: «Проклять будь, о Римъ, о лютый тигръ!
 О, проклять будь пародъ безъ чувства, безъ любви,
 Ты, рукоплещущий, какъ звѣрь, при видѣ крови!»
 — «Кто ты?» спросилъ старикъ. — «Аеннианинъ! Привыкъ
 Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
 Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ....»
 — «Ребенокъ, ты не правъ», отвѣтствовалъ старикъ.
 «Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!»
 — «А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима.»
 «Чему же ты такъ радъ?» — «Я радъ тому, что есть
 Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ — честь:
 Бросаются рабы у насъ на растерзанье —
 Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
 Что толку въ жизни ихъ — привыкнувшихъ къ цѣлямъ?
 Достойны ихъ они, достойны поруганья!»

* * *

Снжу задумчиво съ тобой наединѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы....
Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры....
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ —
Не дѣва юная.... ты слышишь, призываетъ
Меня гѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ....
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье....

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Я видѣлъ древній Римъ : въ развалинѣхъ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой триумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндой аркадъ
Полуразбитыя громады Колизея....
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющь растеть, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телегъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринтской капители
Рогатые волю, — въ смущеньѣ я читалъ
Всю лѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой

Находить на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
 Въ благоговѣннн глядитъ, и, полнъ тревогъ,
 Онъ мыслить: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ, —
 Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣннй
 Мы, сердцегъ мертвые, мы, нищн души,
 Считаеиъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
 И школьныхъ риторовъ созданиеиъ твой геннй!...
 Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
 И врѣзали свой слѣдъ негнбннй на земли —
 Великн въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
 Великн въ добрѣ, великн въ развратѣ!
 Ты палъ, но палъ какъ жилъ.... Въ паденнн своеиъ,
 Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
 Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровь и домъ,
 И кланялся сенатъ строптивому народу....
 Такимъ же кончилъ ты.... Пускай со всей вселенной
 Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
 За колесницею твоею позлащенной
 Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
 Пусть голосъ доблести уже толпы не движеть;
 Пускай Лицинн она цѣлуетъ прахъ,
 Пускай Лициннн самъ слѣды смиренно лижетъ
 Сандалнй Клавднй, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
 Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ, —
 Да полный урожай поляиъ онъ ниспошлетъ,

И къ пристани суда безвредно приведетъ :
 Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
 Искалъ забвенія.... достойнаго тебя.
 Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
 Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду :
 «Покуда молоды — плюща и винограду!
 Дооблачныхъ палатъ, танцовщицъ и гѣвицъ!
 И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
 Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
 Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
 Въ конецъ изчерпай все, что можетъ дать намъ міръ!
 И, выпивъ весь оіягъ блаженствъ и наслажденій,
 Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
 Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы, —
 И вокругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
 Учи вселенную, какъ должно умирать.»

1845.

PALAZZO.

Войдемте : вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣнливо бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ ;
Терассы убраны роскошными цвѣтами
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
Эмблемы доблести семей, гордыхъ властью:
Кабаньи головы, да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранить слѣды временъ былыхъ ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь и кость мощей святыхъ :

Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вокругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ :

То предки гордые фамилиі высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшень яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой....
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой,
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Во взглядѣ злая скорбь и ужасъ затаенный....
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;
Какъ будто говорить она: «здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя....»

Та — жизни полная, и въ блескѣ самовластья —
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь....
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,

И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
 Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
 На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь —
 И взоръ ея горитъ насмѣшкой изстуженной,
 Всея гордостью души глубоко оскорбленной....

.

И нынѣ пусто все въ блестящей галлерей....
 На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
 Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
 На креслахъ бархатныхъ раскинувшись храпитъ;
 И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
 Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
 А вы — вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
 Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ ! не злато , не гербы,
 Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
 И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —
 Отъ правъ украденныхъ отцами у народа,
 И вняли вы призывъ торжественной борьбы
 И движетъ вами кликъ: «Италіи свобода!»
 И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
 Болонская хоругвь надъ вашей головой !

Благословенъ вамъ! Италиі спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!...
Но тише.... здѣсь живутъ : раскинуть столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно:
Тамъ дребезги стекла.... бокалъ неосушенный....
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Посвященіе	5

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

Октава	9
Раздумье	10
Сонъ	12
«Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты»	14
Картина вечера	16
Воспоминаніе	17
Гезіодъ	18
Радость	20
Эхо и Молчаніе	22
«Я въ гротѣ ждалъ тебя»	24
Пустыннику	25
Призывъ	26
Пріапу	28
«На мыслъ семь дикомъ»	30
«Все думу тайную въ душѣ моей питасть»	31
«Я былъ еще дитя» (изъ Андрея Шенье).	33
Овидій	34
Искусство	36
«Муза, богиня Олимпа»	37
Вакханка	39

	стр.
<u>Горный ключъ</u>	41
Доридѣ	43
Эпитафія	45
Мысль поэта	46
<u>Ваххъ</u>	47
Зимнее утро	49
<u>«Жизнь безъ тревогъ»</u>	51
Сомнѣніе	52
Плющъ	54
Прощаніе съ деревней	56
Свирѣль	58
«Я знаю, отчего у этихъ береговъ»	59
Горы	60
Діонея	61
«Дитя мое, ужь нѣтъ благословенныхъ дней»	62
«Пусть полудикіе Свины»	63
Черепъ	64
Поэзія	65
Памятникъ	66
<u>Барельефъ</u>	67
<u>Е. П. М.</u>	69

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО МІРА.

Еврейскія пѣсни :

I. «Торжественъ, свѣтелъ и румянъ»	73
II. «Колыбель моя качалась»	75
Газетъ	76
Молитва бедуина	85

III

	СТР.
Вертоградъ	87
Единое благо	88
Перы и Азраилъ	89
Ангель и демонъ	91

ЭЛЕГИИ.

Исповѣдь	96
«Не назову ея богиней»	96
«О чемъ въ тиши ночей».	97
«Зачѣмъ среди общаго волненія и шума»	98
Жизнь	99
Безвѣтріе	101
Мраморный Фавнъ	104

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

Сафо :

I. «Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра»	109
II. «Звѣзда божественной Киприды»	111

Анакреонъ :

«Пусть гордится старый дѣдъ»	113
--	-----

Проперцій :

I. Тулгу	115
II. Цивтіа	117

Гораций :

I. «Скажи мнѣ, чей челнокъ»	119
---------------------------------------	-----

IV

	стр.
II. «Легче лани юной ты»	121
<i>Марциалъ :</i>	
«Если хочешь прожить безмятежно»	122
<i>Овидій :</i>	
Посланіе съ Понта. (Вольное подражаніе)	123
<i>Эпикурейскія пьески :</i>	
I. «Мирта Киприды мнѣ дай»	126
II. «Блестить чертогъ»	127
III. «Остроумица, плясунья»	129

ЭПИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Монастырь. (Введеніе къ ненаписанной поэмѣ).	133
Призваніе	136
Кто онъ?	139
Изъ Оливѳа и Эсѳири	142
Грѣзы	155
Барышнѣ	175

ОЧЕРКИ РИМА.

На пути	191
Camagna di Roma	193
«Ахъ чудное небо, ей Богу».	196
Amoroso	198
Послѣ посѣщенія ватиканскаго музея	200
«На дальнемъ сѣверѣ моемъ»	203

	стр.
Ницій	205
Капудинъ	207
Въ остеріи	209
Fortunata	211
Нинѣа Эгерія	213
Тиволи	216
Авахореть	218
«Скажи мнѣ, ты любишь на родинѣ своей»	220
Художникъ	223
Fiogina	224
Двойникъ	226
Lorenzo	228
«Все утро въ поискахъ»	230
Газета	233
«Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ»	235
Антики	237
Игры	239
«Сижу задумчиво съ тобой наединѣ»	241
Древній Римъ	242
Palazzo	245